

Анюта Васильева

Полюбить с закрытыми глазами

<https://litres.ru/74238453>

Аннотация

♥#Теперь и на бумаге♥# После победы во всероссийском конкурсе, меня перевели из провинциального городка в столичный ВУЗ. Мои новые одноклассники, желая повеселиться по полной, отправили меня на "растерзание" самому наглому и бесцеремонному парню университета. Но все пошло не так, как они планировали. Я в его лице обрела не просто друга, а настоящую родственную душу. Однако вскоре все разрушилось в одно мгновение, из-за банального недоразумения, и нежелания просто поговорить со мной и всё выяснить. И он, будучи уверенным, что я причастна к проблемам их бизнеса, отдал меня в лапы своего старшего брата, после встречи с которым, мне заново пришлось учиться жить.

Содержание

1 глава	4
2 глава	11
3 глава	29
4 глава	38
5 глава	49
6 глава	65
7 глава	76
8 глава	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

1 глава

— Ма-ам, — я осторожно подхожу к маме, кладу руку ей на плечо, стараясь говорить как можно мягче. — Да не переживай ты так. Всё будет хорошо!

Мама ничего не отвечает, только ещё больше хмурится, её брови сходятся на переносице, а губы сжимаются в тонкую линию.

— Мам, ну мне нужно было отказаться? — говорю немного с обидой в голосе, отворачиваюсь к окну нервно теребя край футболки. — Ты же не можешь не понимать, какой это шанс для меня!

— Могла бы и посоветоваться, — с нервозностью в голосе парирует она, резко оборачивается в мою сторону, впиваясь гневным взглядом.

— Там всё решалось в последний момент, — нагло вру, избегая её прямого взгляда. Не люблю врать маме, и сейчас мысленно сгрызаю себя за это. — Мне крупно повезло, что Мирошнеченко не было на месте. Если бы ректор присутствовал, он бы продвинул одного из своих любимчиков. Либо сына губернатора, либо Дашеньку свою любимую. И никто бы даже не посмотрел, что они ни разу сессию самостоятельно не сдали. Везде за них Пётр Степанович просит.

— Ну за них как раз понятно, почему просят. Сын губернатора — это же дополнительное финансирование, а вот Да-

рья, — сделав акцент на имени моей одноклассницы, мама кривит губы в брезгливой ухмылке и демонстративно закатывает глаза. — Эта девица никем не брезгует: ни старым, ни малым! А вот ты каким боком-то? — родительница смотрит исподлобья с подозрением, слегка наклонив голову.

— У меня высший балл на прошедшей олимпиаде, между прочим, — и снова говорю с обидой в голосе. — И не ректор меня выдвинул, ты же знаешь!

— И что теперь? Мм? По математике тебе равных нет, не спорю, а остальные предметы?

Ничего не отвечаю, потому как нечего! По остальным предметам у меня тоже неплохо. Я бы сказала даже очень неплохо!

Но мама отказывается понимать, почему иногда случаются четвёрки, и что я не чёртов гений, в конце концов, и у меня есть свои пределы возможностей.

Помню, как больную, с температурой тридцать семь и девять, мама всё же заставила меня пойти в школу, я просилась остаться дома, сил не было совсем. Но в этот день у нас был диктант за полугодие...

Я получила за него тройку, единственную за весь период обучения.

Мама избивала меня шнуром от кипятильника так, что у меня кожа по всему телу полопалась. Местами до глубоких ран.

Когда пришли документы на перевод одного из студентов

нашего вуза, я была первая в списке, но решать, кто из четверых поедет продолжать обучение в столице, должны были преподаватели. Галина Михайловна, завкафедрой, предложила мою кандидатуру из-за победы во всероссийской олимпиаде. Её поддержало, на моё удивление, большинство педагогов, и уже к вечеру на меня были готовы все бумаги.

Это я маме с отчимом сказала, что меня уговорили. Но на самом деле я знала, что буду в списках, потому как выбирали из лучших студентов нашего вуза. Галина Михайловна очень хорошо знает моих родителей. Знает, что им нужен тотальный контроль надо мной, и они ни за что меня не отпустили бы. Поэтому маме не сообщалось намеренно. А так как документы для перевода были уже готовы, у мамы с отчимом не осталось выбора, они вынуждены были меня отпустить.

Хотя отчим по первости заявил, что мы заберём документы, но мама не позволила. У неё был железный аргумент: «Ну конечно, и сядет нам с тобой на шею!», но ответ Станислава — мужа мамы — что можно и продавцом пойти, слава богу, мою маму не устроил.

«Финансисты зарабатывают больше!» — был её аргумент, она произнесла это с нажимом, резко взмахнув рукой.

Это, наверное, первый в моей жизни момент, когда я порадовалась маминой меркантильности. И именно поэтому мы сейчас хоть и спорим, но всё-таки собираем мои вещи.

Мне даже не верится, что через каких-то пару дней я буду студенткой столичного вуза.

— Отцу сейчас что прикажешь делать, вторую работу искать?

— Зачем? — хочу сказать, что можно бросить пить и тогда нам на всё будет хватать, но вовремя себя сдерживаю, закусываю губу и опускаю глаза в пол. — Мама, я там также буду стипендию получать. За общежитие платить не нужно, я прокормлюсь.

— О, какая молодец! Самостоятельная какая. Ну-ну! — мама начинает злиться, её лицо краснеет, а голос становится громче. Это, как правило, ничем хорошим для меня не заканчивается.

— Мам, я немного войду в колею, потом обязательно найду подработку и буду вам оттуда помогать, — стараюсь говорить более мягким голосом, делаю шаг к ней и протягиваю руку, пытаюсь успокоить родительницу.

— Я посмотрю, как ты будешь помогать! На нас с отцом особо не рассчитывай. Сама знаешь, как у нас с деньгами.

Мама настаивала, чтобы я Станислава Борисовича папой называла, всё-таки с пяти лет растил. Да я и называла, хотя не заменил он мне отца, вот нисколечко. Просто маму расстраивать не хотела.

— Не волнуйся, я крёстному звонила вчера, он обещал, если что, помочь. Он же не последний человек в Москве.

— Да уж конечно, держи карман шире. Он там зажрался и про старых друзей совсем забыл.

— Неправда. Он часто мне звонит, да и Наталья Викто-

ровна тоже не забывает.

— Лучше бы финансово помогал.

— Мам, он на каждый праздник дарит мне очень хорошие подарки.

О том, что эти подарки, почти сразу, с лёгкой руки отчима, уносятся в ломбард либо же продаются подешёвке, я стараюсь не упоминать.

Мама лишь фыркает, скрещивает руки на груди и отворачивается к окну.

— Тоже мне подарки. Да с его деньгами... — мама снова психует, начинает расхаживать по комнате, размахивая руками. — Он и квартирку мог бы нам подарить.

— Нам?

— Ну а что тут такого? Вон, Натальяставляла фото в интернете. Мне тётя Лиля показывала, — мама стала эмоционально жестикулировать руками и кривляться, передразнивая кого-то, её голос повышается до визга. — Стоит такая вся расфуфыренная, вместе с твоим драгоценным крёстным. «Мы с любимым на Бали», — от взвизгивания в голосе мамы звенит в ушах. — А у Тольки пузень отрос — хвоста не видно!

— Маам, — возмущившись, резко встаю и отхожу на пару шагов, чувствуя, как краснеют щёки. — Ну ты вообще!

— Что вообще? — раздражённо ответила она, швыряя одну из моих кофт в чемодан и с силой захлопывая крышку.

— Ничего. Давай не будем ругаться, а то мне будет тяжело

уезжать.

Мама, конечно, ещё долго бухтела себе под нос, то и дело бросая на меня недовольные взгляды, но я старалась не обращать на это внимания, сосредоточившись на складывании вещей.

Я, честно говоря, не очень понимаю своих родителей. Нет, безусловно, я их люблю. Даже Станислава Борисовича по-своему люблю. Но уж сильно злит, когда они начинают говорить о том, кто сколько зарабатывает, тратит и так далее. Но ещё больше меня раздражают, конечно же, разговоры о том, что наиболее состоятельные «родственники» должны нам помогать. Хотя мы вроде и не бедствуем.

Просто мои родители не совсем рационально расходуют бюджет. И даже то, что я иногда подрабатываю, и стипендия у меня есть. Деньги все родителям отдаю, им всё равно мало.

Как-то решила родителям помочь научиться правильно распределять бюджет на месяц. По моим расчётам нам вдоволь хватало бы на еду, на кое-что из одежды и даже можно было немного отложить. Но за свою инициативу я была награждена увесистой пощёчиной от матери и высказыванием отца о том, что «Сопля зелёная, ещё будешь учить нас распоряжаться деньгами!» Да ещё и на весенний бал меня непустили, к которому я чуть ли не месяц готовилась.

Отчим отвёз меня на вокзал и помог занести вещи в купе. У мамы разболелась голова, поэтому она осталась дома.

Станислав Борисович сказал, чтобы я позвонила по при-

езде и, не дожидаясь отправки поезда, поспешил домой, махнув на прощание рукой.

2 глава

В Москву я прибыла ранним утром. Прохладный ветер заставил поёжиться. Подняв голову я посмотрела на бледно-голубое небо, глубоко вдохнула, пытаюсь унять волнение.

Меня должна встречала секретарь моего нового вуза.

Наталья, жена моего крёстного, предлагала встретить меня на вокзале, но я отказалась. Мы с Натальей Викторовной давно не виделись и я жутко по ней соскучилась, но мы с ней всё равно не смогли бы сразу провести время.

Я вышла на перрон и, увидев женщину с табличкой, на которой было написано моё имя, широко улыбнулась во весь рот и, подхватив чемодан, направилась к весьма энергичной женщине в годах.

— О, бог ты мой! — не очень приятненько меня поприветствовали. Улыбка моментально слетела с моих губ, я застыла на месте, чувствуя, как краснею.

— Доброе утро, — тихо произношу я, пытаюсь снова выдавить улыбку, при этом нервно теребя ремешок сумки. — Я Есения, — немного потупившись опускаю взгляд под пристальным вниманием Ксении Леонидовны. «Так должно звать секретаря». — Милохина.

— Ну, здравствуй, Есения Милохина, — женщина припустила очки на кончик носа, склонила голову набок и, осмотрев меня ещё раз с головы до ног, медленно добавила:

— ты куда приехала, милая?

— Простите?.. — несмело вскидываю взгляд на женщину.

— В документах не указано, что ты из малообеспеченной семьи.

Мне становится очень неловко. Невольно вновь опускаю взгляд, смотрю на свою обувь, чувствуя себя максимально уязвимой в этот момент.

Не стесняясь женщина оценивает мой внешний вид. На мне дутая не модная куртка жёлтого цвета, старенькая шерстяная юбка чуть ниже колен и уже неплохо стоптанные, местами облезшие ботинки.

— Нет, у меня обычная работающая семья, со средним достатком.

Глубоко вздохнув и сделав, судя по лицу, свои выводы, женщина поджигает губы, поправляет очки и молчаливым жестом, махнув рукой в сторону выхода, попросила следовать за ней.

Буквально через десять минут мы выехали на оживлённую дорогу одной из широких улиц. Ксения Леонидовна была за рулём небольшой красенькой тойоты и, вклинившись в нескончаемый поток автомобилей, мы медленно двигались в сторону моего общежития. Прижавшись лбом к холодному стеклу окна, я наблюдала за мелькающими зданиями. Я очень долго привыкала к затруднённому движению в нашем городе, когда три года назад мы переехали туда из области.

Но здесь!..

Это просто невероятно. Как можно что-то успеть сделать, если большая часть времени уходит на дорогу?

Словно поняв, о чём я думаю, Ксения Леонидовна улыбнулась и, повернув ко мне голову заговорила:

— Я сегодня на машине, чтобы тебе показать немного город. Ты ведь впервые в Москве, не так ли?

— Да, я не была ещё здесь.

— Ну вот. Кстати, имей в виду, что автобусы и маршрутки — это тоже не вариант. Лучше всего ездить на метро.

— Хорошо, спасибо, Ксения Леонидовна, я учту.

— Есения, я вижу, ты девушка простая, ты не обидишься, если я дам тебе небольшой совет?

— Нет, — поднимаю взгляд, стараясь выглядеть увереннее, я более твёрдо добавила. — Я даже буду благодарна.

Я уже поняла, что совет будет по поводу моего внешнего вида. Да и действительно, одета я не очень хорошо. Тем более для столицы.

— Не одевайся подобным образом в университет. Ты станешь жертвой в своей группе, уж поверь мне на слово, в ней ещё те стервятники обучаются.

— Но у меня нет другой куртки, — опускаю голову вниз, чувствуя, как жар приливает к щекам. Разговор мне неприятен, но я понимаю, что прислушаться определённо стоит.

Вижу, что и со мной женщине не совсем комфортно. Она на мгновение закусывает губу, бросает быстрый взгляд в зеркало заднего вида, и видно, что пытается подобрать слова,

возможно, для того, чтобы не обидеть меня.

— А что-то строгое у тебя есть? Или, может, что-то из классики?

Неловкая ситуация! Сжимаю руки в кулаки, пряча их в карманах куртки. Кому какое дело до того, как я одета? В моём городе тоже поначалу смеялись надо мной, но прошло не так уж много времени, как им это надоело, смешков и колкостей в мой адрес стало в разы меньше, и даже появились подруги.

— Да, конечно! — отвечаю коротко, стараясь не выдать голосом дрожь, и очень хочу, чтобы дальнейший разговор на данную тему прекратился.

— Тогда отлично.

— А сменная обувь? — не унимается женщина, слегка хмурясь и поглядывая на мои ботинки. — В гардеробе у тебя будет своя кабинка, куртку и эти... кто там они у тебя? — снова глубоко вздыхает, морщится и машет рукой. — Ну, безобразие на ногах твоих. Будешь оставлять там.

— Я поняла, спасибо.

Мне было до безумия неловко, я снова покраснела до корней волос, чувствуя, как горят щёки, и уставилась в окно, стараясь не встречаться взглядом с Ксенией Леонидовной. С собой у меня ещё есть балетки, и они, слава богу, относительно новые.

Не буду же я объяснять постороннему человеку, что мои родители считают — одеваться нужно скромнее! А скромнее

— это как раз таки бесформенные мешки и растянутые кофты, максимально скрывающие всё. Мама считает, что оголяют своё тело только распутные девушки. Хотя я её мнение не разделяю!

Некоторые мои подружки одеваются очень даже нескромно: мини-юбки и топы с глубоким декольте; но при этом я не могу назвать их слишком распущенными, лишнего они всё же себе не позволяют.

До моего нового места жительства мы добрались через добрых два с половиной часа. Ксения Леонидовна передала меня в руки зав. общежитием, коротко кивнула на прощание и, бросив «Удачи, Есения!», быстро удалилась.

Достаточно строгая женщина лет сорока пяти, с гладко зачёсанными волосами и в строгом сером костюме, провела для меня небольшую экскурсию. Всё объяснила и показала.

Моя комната была на втором этаже. Небольшая, но очень уютная, и всего на двух человек. Преимущественно она оформлена в бежево-персиковые тона. Одна из кроватей аккуратно застелена, а значит, тут кто-то уже проживает. С облегчением выдохнув, поставила чемодан у шкафа и огляделась, а после, разложив свои вещи в угловой шкафчик я так же аккуратно застелила и свою постель.

В комнате находится маленькая импровизированная кухня. В углу стоит низкий стол, чайник, у двери — небольшой холодильник, микроволновая печь.

Не рискнув пользоваться чужим инвентарём, нервно по-

правив рукав рубашки, я направилась в общую кухню. Там вскипятив себе чайник, достала из сумки оставшийся у меня паштет и хлеб, принялась за завтрак.

Прибрав за собой, вернулась в комнату. Остановившись прямо по середине, вздохнув, потеряв переносицу, я решила посмотреть, в чём мне пойти завтра на учёбу, но ещё на стадии разбора сумок я поняла, что мама убрала оттуда мою юбку-карандаш и блузу с открытым горлом, которую подарила мне Наталья.

Эта блузка мне очень нравилась, а мама считала её излишне облегающей и откровенной. Изрядно поломав голову, прикусив губу, я остановила свой выбор на классических строгих брюках и просторной клетчатой рубашке. При маме я всегда застёгивала её на все пуговицы, поэтому она казалась строгой.

Девочки же в универе мне показали, каким образом её можно носить, чтобы не казаться пресноватой серой мышью.

Кстати, смешки в мой адрес как раз таки поутихли после того, как я начала экспериментировать с остальной одеждой, которая у меня имелась.

Таким образом у меня появился собственный, немного неформальный стиль. Огорчало лишь то, что не со всякой своей одеждой удавалось что-нибудь придумать.

Забравшись с ногами на кровать, достаю свой старенький смартфон, и вхожу в группу WhatsApp, куда меня уже добавила администратор нашей группы по просьбе Ксении Лео-

нидовны. Просмотрев расписание на завтрашний день, я ответила Иринке, своей лучшей подруге, на сообщения, пообещала ей позвонить и всё рассказать после занятий первого дня в новом вузе.

За окном собирались плотные тучи, поэтому решила, что в магазин не пойду, обойдусь китайской лапшой на обед и ужин. Чуть позже я так же позвонила родителям, сообщила о том, что добралась без происшествий, и уселась за свои любимые книги, пытаюсь отвлечься.

Моя соседка приехала ближе к вечеру, когда я уже готовилась ко сну.

— Ух, ничё себе! Смотрю, моя лафа закончилась? — с порога начала худенькая, я бы даже сказала, излишне худенькая девушка с фиолетовыми волосами и серьгой в носу. Она окинула комнату быстрым взглядом, потом уставилась на меня, упёрла руки в бока и слегка наклонила голову.

Не скрывая своего недовольства, она прошла к своей кровати, шумно плюхнулась на неё, закинула ногу на ногу и вновь впиалась в меня взглядом, постукивая пальцами по краю матраса.

— Ну, давай знакомиться, я Лика. А ты у нас кто будешь? Да ещё и чуть ли не с середины учебного года явилась.

— Я Есения, можно просто Еся. Я перевелась к вам из Челябинска, — слегка улынувшись, я изо всех сил старалась выглядеть дружелюбно, но внутри всё сжалось от напряжения. О том, что меня перевели по конкурсу, как одну из луч-

ших студенток, предпочитаю не говорить.

— Понятно. Курс? Факультет? — тон Лики показался мне немного высокомерным. Она откинулась на спинку кровати, закинула руку за голову и смотрит на меня как бы с вы́сока, чуть прищурившись.

Разумеется мне это не нравится, но мне с ней жить, и лучше наладить отношения, иначе негатив и постоянное напряжение будут давить. Расправив плечи, пытаюсь расслабиться и вести себя легко и непринуждённо, хотя внутри всё сжимается от дискомфорта и напряжения.

— Экономика предприятия. Второй курс, — говорю после затянувшейся между нами паузы.

Девушка прекращает подбрасывать и ловить теннисный мячик, снова поворачивает голову в мою сторону. Её глаза на мгновение расширились от удивления.

— Да ладно! Я тоже второй курс, этого же факультета.

— Не одолжишь свои конспекты? — моментально оживилась, забыв о том что являюсь не особо желанной в этой комнате. — Хочу посмотреть, намного ли я от вас отстаю.

Я заметно приободрилась, расслабила плечи и в момент уже окончательно перестала думать о том, что Лика не очень-то довольна моим вторжением в её уединение.

— Да, пожалуйста, — приподнявшись девушка, тянется к серому рюкзаку, достаёт оттуда стопку тетрадей и небрежно бросает её мне прямо на кровать. — Жалко, что ли.

Благодарно кивнув, аккуратно подхватываю тетради и,

присев на край своей кровати, внимательно один за другим просматриваю конспекты.

Не без удивления отмечаю, что моя сокурсница всё подробно записывает. Мои губы невольно растягиваются в улыбке. Безусловно, меня это радует.

Поняв, что ничего сверхсложного, похоже, меня не ждёт, облегчённо выдыхаю и провожу рукой по волосам. Несомненно, кое-что, конечно, нужно подучить, но это не проблема. Завтра же этим займусь.

Я вернула конспекты и, убрав книги, решила всё же лечь спать. Дорога вымотала, а завтра сложный день. Переодевшись в простую хлопковую пижаму, я почистила зубы и легла в свою постель. Завтра сложный день, нужно хорошенько выспаться.

На утро Анжелика была более разговорчива со мной. На момент когда я вернулась из душа, она сидела за письменным столом, листала какой-то учебник.

Возможно Лика так же решила, что раз выхода нет, и нам вместе жить, то налаживать контакт как-то нужно.

После водных процедур я привела свои непослушные светло-русые волосы в порядок. Лика разрешила мне пользоваться импровизированной кухней, и пока уже моя соседка мылась, я сделала нам тосты и заварила чай.

— Первая пара у нас — высшая математика в 308, не опаздывай, — Анжела садится и торопливо берётся за зав-

трак, откусывая тост и делая глоток чая. — Преподша, Римма Падлавна, терпеть не может опоздания.

— Почему Падлавна? — приподнимая бровь с лёгкой улыбкой интересуюсь, отправляя последний кусочек тоста в рот.

— Ой, не буду объяснять, сама всё поймёшь, — говорит с набитым ртом Лика, пытаясь запить тост чаем, с усмешкой добавляет. — Когда курсовую пойдёшь сдавать.

— Ясно.

— Кстати, я немного опоздаю. Мне нужно в деканат. Падлавна в курсе.

— Блин, я уже настроилась, что войду в новую группу не одна.

— Да не переживай! Я ненадолго задержусь, — кивнув я заканчиваю с чаепитием.

Анжелика Убегает, а я прибрава со стола, быстро одеваюсь, застёгиваю куртку, проверяю содержимое рюкзака и, прихватив его, выхожу из комнаты.

Университет буквально в десяти минутах ходьбы от общежития, но так как я тут впервые, немного задерживаюсь в гардеробе, где, кстати, ловлю на себе уже первые любопытные взгляды — кто-то перешёптывается, кто-то откровенно разглядывает мой наряд. Клетчатая рубашка, расклешённая юбка ниже колен. Да уж, как не крути, но отличаюсь я от снующих по коридорам студентов разительно.

Нужную мне аудиторию я нахожу не сразу, хотя Лика и

старалась как можно яснее мне объяснить её местоположение, но всё равно мне пришлось воспользоваться планом здания, висящим на стене.

Нервно теребя болтающийся ремешок рюкзака, в кабинет вхожу буквально за пару минут до звонка.

Некоторые ребята замечают меня сразу, и смотрят на меня как на инопланетянку, а потом... Кто-то перешептывается, в чьих-то глазах видна усмешка, и даже парочку громких «хи-хи» я также улавливаю. Стараясь не обращать внимания иду вперёд.

В конце концов мне не привыкать, поэтому просто прохожу в самый конец аудитории, как и посоветовала мне Лика, и сажусь на одно из двух свободных мест.

Перешептывание усиливается.

Почему-то у меня стойкое ощущение, что я сделала что-то не так! Я поправляю волосы, разглаживая невидимые складки на юбке, хочется выглядеть уверенно.

Стараюсь не обращать внимания на происходящее, достаю свои конспекты и не сразу понимаю — наступила полнейшая тишина!

Всего пара мгновений и надо мной возвышается чьё-то очень мощное спортивное тело. Моё сердце замирает на секунду. Поднимаю голову выше — парень, сдвинув густые чёрные брови, явно был удивлён моим появлением.

Молодой человек кавказской внешности внимательно рассматривает меня, наклоняет голову, при этом не сводя с

меня взгляда своих чёрных глаз, растягивает губы в хищной улыбке. Я невольно сглатываю, чувствуя, как по спине пробегают холодоки.

Немного придя в себя, быстрым взглядом окидываю всех присутствующих, замечая, что кое-кто достал свои навороченные телефоны и снимает происходящее. Ладони начинают потеть, я нервно сжимаю сборник задач, который непонятным мне образом оказался в моих руках.

Парень, что возвышается надо мной, так же проходится глазами по аудитории и вновь обращает своё внимание ко мне.

Я пару раз моргаю, немного прячу голову в плечи, и на мгновение зависаю. Глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь в голосе. Наконец, обретя способность говорить, чуть слышно интересуюсь:

— Я заняла твоё место? Прости, пожалуйста, я пересяду! — начинаю суетиться, неловко берусь за рюкзак и роняю его на пол. Хочу поднять, но парень меня опережает. Перехватывает и бросает его мне на колени.

— Сиди! — голос у парня грубоватый. Я отодвигаю немного ноги в сторону, позволяя парню пройти мимо меня и сесть рядом. Снова шушуканье, и на многих лицах, кажется, удивление, не иначе.

Что происходит?

— И что ты тут делаешь? — парень даже не смотрит в мою сторону. Вместо конспектов из рюкзака он достаёт какой-то

файл и начинает его просматривать.

— Меня перевели к вам, я сегодня первый день, — не понимаю, зачем сказала, что сегодня первый день, он и так понял, наверное. Я заметно нервничаю, излишне торопливо поправляю рукав рубашки.

— Сколько тебе лет? Выглядишь, как малолетка.

— Мне двадцать скоро будет, и я выгляжу на свой возраст! — окинув ещё раз всех присутствующих взглядом, я выпрямляюсь и поднимаю подбородок. Мне почему-то кажется, что все выглядят немного постарше моих сокурсников из Челябинска. — Это же второй курс? — неуверенно спрашиваю, потому что, что-то ёкает в груди.

— Не выглядишь — это раз. Ты перепутала аудиторию — это два, — мельком взглянув на меня с усмешкой, добавляет. — И смени свой гардероб — это три.

Округлив глаза открываю рот. Чувствую, как кровь приливает к щекам.

Дёргаюсь в попытке сбежать, но звенит звонок и входит преподаватель. Оседаю обратно на скамью, сжимая кулаки под партой.

— Сиди, не дёргайся. У преподши плохое зрение, она вряд ли тебя заметит.

— Мне сокурсница сказала, что у нас в 308 пара. Может, она что-то перепутала?

— Не думаю! — с кривой усмешкой произносит парень. От досады прикусываю нижнюю губу так сильно, что чув-

ствую металлический привкус крови. Снова сжимаю кулаки, стараясь сдержать слёзы обиды. Приходит осознание, что Анжелика решила надо мной подшутить. Но что мне теперь делать?

— Что мне делать? — тихо спрашиваю я, глядя на Загира с мольбой в глазах.

— А я откуда знаю? — пожимает плечами парень, небрежно перелистывая страницы файла. — Досиди лекцию, потом внизу в расписании посмотришь, в какой аудитории у твоего потока урок, и под дружный ржач своих новых сокурсников пойдёшь грызть гранит науки.

Да уж, вот я солоха! В груди всё сжимается от горечи. Вчера же ясно увидела, что я своей соседке по комнате неприятна.

Ладно, раскисать нельзя. Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю, считая про себя до десяти. Хотя ком обиды и подкатил к горлу, стараюсь его проглотить.

Нужно взять себя в руки! У меня есть целый час, чтобы прийти в себя и придумать, что делать дальше. И первое, нужно объяснить преподавателю причину своего отсутствия на первой паре.

Но для начала успокоиться. Закрываю глаза на пару секунд, делаю ещё один глубокий вдох-выдох. Пытаюсь отвлечь себя от негативных мыслей, смотрю по сторонам и, изучив всё и всех, перевожу взгляд на файл, который так сосредоточенно изучает парень.

— Как тебя зовут? — решительно спрашиваю. Наконец мой голос звучит уверенно

Парень какое-то время молчал, и я уже было подумала, что не услышу ответ. Но нет, с ноткой одолжения всё же проносит:

— Загир! Что дальше?

— А дальше, Загир, у тебя ошибка в расчётах.

— Да, я знаю, но не могу найти, где ошибся.

— В третьем столбце! Справа. Но по окончательной сумме всё равно не сходится. Значит, где-то ещё есть ошибка.

Загир смотрит на меня нечитаемым взглядом и молча сдвигает мне свой файл, а также ручку и листок.

— Поможешь?

— Давай! Мне несложно. — я беру ручку, наклоняюсь над листом и начинаю быстро проверять расчёты, машинально закусывая губу от сосредоточенности.

На нахождение ошибок и их устранение у меня уходит меньше двадцати минут. Аккуратно выписываю правильные значения, подчёркиваю итоговую сумму и отдаю листок с расчётами обратно, жду, пока парень отойдёт от шока.

— Охренеть. Ты кто, бл*ть, такая? — Парень снова и снова пересматривает расчёты, его брови удивлённо приподнимаются. Теперь он смотрит на меня совсем не теми глазами, что в начале урока.

— Есения Милохина. С сегодняшнего дня студентка вашего вуза.

— Есения Милохина? Что-то знакомое. А! Ты победила во всероссийской олимпиаде по высшей математике. Я слышал о тебе. Ты решила практически все задания без ошибок.

— Я бы все решила без ошибок, но мне немного не хватило времени себя перепроверить, — не то чтобы мне хотелось похвастаться, скорее это наболевшее. Обидно всё-таки. — Так я у вас знаменитость?

— Среди преподавателей да, само собой. Среди студентов — это вряд ли. А начнёшь зазнаваться и трезвонить всем об этом, сделаешь хуже только себе, тут хвастунишек прикапывают.

— Да я, как бы, и не планировала, — слегка улыбаюсь, пытаюсь разрядить обстановку. Немного помолчав, чуть позже всё же спрашиваю: — А ты тогда откуда узнал?

— Чисто случайно, — уголок губ Загира приподнимается в подобие улыбки. — Заходил в деканат, за... Не важно. В общем, там как раз о тебе и говорили.

— Понятно.

Я вновь обвожу взглядом аудиторию. Замечаю, как несколько человек переглядываются, шепчутся и бросают на нас любопытные взгляды.

— Загир! Почему многие твои сокурсники всё время на нас оборачиваются?

Парень снова улыбается. На этот раз более искренне, как мне кажется.

— Потому что не могут понять, какого хера ты сидишь

рядом со мной?! — со вздохом потягиваясь, произносит Загир, и в его голосе уже нет прежней грубости — скорее лёгкая ирония.

— Так! То есть Анжела не просто так меня направила именно в эту аудиторию, и посоветовала сесть именно на последний ряд.

— Да ты соображаешь, я смотрю, не только в цифрах! — достаточно саркастично подметил парень, но в его глазах мелькает одобрение.

— А что должно было произойти? — смотрю на своего нового знакомого с надеждой, что ответит мне, потому как хочется знать, какова должна была быть моя участь. Но ответа всё же не следует. Звенит звонок, и мне нужно за короткий перерыв успеть разузнать, где всё-таки мой урок.

Сердце начинает биться быстрее, ладони слегка потеют. Встаю с места и тянусь за рюкзаком, хочу уйти, но Загир меня останавливает. Спрашивает, на каком я факультете, и после моего ответа он подходит к симпатичному парню атлетического телосложения с модной причёской. Просит его набрать какой-то Лере и спросить, где проходит у неё лекция.

Парень, окинув меня насмешливым взглядом, пожимает плечами, переводит его на Загира и, не моргая, смотрит на него, пока идут гудки в его айфоне.

Загир же лениво зевает и потягивается, разминая затёкшие мышцы.

Наконец некая Лера ответила на звонок и сказала, что па-

ра у меня в 108 аудитории, на втором этаже.

— Спасибо, Загир, я пойду, — разворачиваюсь и уже хочу пойти навстречу своим унижениям, но металлический голос вновь меня останавливает.

— Стой! Не люблю ходить в должниках, — он кивком головы показывает своему другу следовать за нами.

Я совершенно не понимаю, зачем они идут вместе со мной? Бросаю на Загира вопросительный взгляд, но он лишь подмигивает в ответ.

Мы спускаемся на второй этаж. Я иду чуть позади парней, чувствуя, как напряжение постепенно покидает меня. Может, всё не так плохо, как казалось сначала?

3 глава

Наконец я вхожу в свою группу, Анжелику замечаю почти сразу. Она, глядя на меня, улыбается и одёргивает своих подружек идентичной внешности. Одна из них тут же хихикает и что-то шепчет на ухо другой, бросая на меня насмешливый взгляд.

— Вот она... — в момент идиотская ухмылка с её лица спадает, как только она видит за моей спиной вошедших следом парней. Её глаза расширяются, улыбка мгновенно гаснет, а рука, только что похлопывавшая подругу по руке, замирает в воздухе.

Загир подходит ближе и кладёт свою руку мне на плечо. В его действиях нет никакого скрытого подтекста, его прикосновения не вызывают у меня табун мурашек, скорее приятельские объятия. Я невольно вздрагиваю от неожиданности, но тут же успокаиваюсь — в жесте и правда нет ничего вызывающего.

Парень совсем немного поворачивает голову и негромко, но так, чтобы было слышно всем, спрашивает спокойным голосом:

— Где тебе хочется сидеть, Есенька? — вот это его «Есенька» резануло по ушам, конечно. Так меня никто не называет, и я понимаю, что сейчас это сделано намеренно — он словно ставит невидимый щит между мной и остальными.

Я чувствую, как по спине пробегает лёгкая дрожь, но стараюсь не подавать виду.

Я вижу встревоженные лица у большинства ребят, а особенно взволнованы Лика и её подруги. Они переглядываются, нервно поправляют волосы, одна из них даже роняет ручку, которую тут же судорожно подхватывает.

Это единственный шанс во всей моей жизни, когда я могу ответить на своё унижение. И, чувствуя сейчас за своей спиной поддержку, глядя в глаза всё той же Анжелике, показываю пальцем на её место. Мой палец слегка дрожит, но я заставляю себя не отводить взгляда.

— Вот тут мне будет удобно! — смотрю при этом на Загира, стараясь вложить в взгляд благодарность. Тот в свою очередь одобрительно мне улыбается и переводит уничижительный взгляд на Лику. Его брови чуть приподнимаются, а губы растягиваются в едва заметной насмешливой улыбке. В какой-то момент мне её становится даже жаль.

Внутри всё ещё бурлит от смеси страха и триумфа. Кто он такой? И почему на него так реагируют студенты?

Девушка без лишних слов подхватывает свои вещи. Лика торопливо запикивает тетради в сумку, роняет пару ручек, но даже не пытается их поднять, лишь бросает на меня испепеляющий взгляд и отступает к задней парте.

— Теперь это твоё законное место! — сделав акцент на последних словах и больше не сказав ни слова, парень разворачивается и выходит из аудитории. Его движения уверен-

ные, неторопливые — он явно знает, что все в аудитории следят за каждым его шагом. Его друг последовал за ним, но перед тем, как уйти, улыбнулся и подмигнул мне. Этот жест немного разряжает обстановку, и я невольно улыбаюсь в ответ.

Вот это денёк сегодня выдался! Я опускаюсь на стул, провожу рукой по гладкой поверхности парты. На душе полнейший раздрай. Но мне всё же кажется, что для меня сегодня всё сложилось удачно. Сердце всё ещё колотится, но уже не от страха, а от осознания, что я смогла дать отпор.

А как должно было быть на самом деле — даже думать не хочу. Я закрываю глаза на пару секунд, пытаюсь успокоить мысли.

Как бы я ни старалась сосредоточиться, у меня ничего не выходило. Пальцы нервно барабают по столешнице, взгляд скользит по строчкам учебника, но смысл ускользает. Поэтому я включила диктофон на телефоне, решив, что чуть позже я всё законспектирую. Убираю телефон в карман и делаю ещё одну попытку вникнуть в материал, но мысли всё равно возвращаются к утреннему происшествию.

На последней паре, взамен всё-таки сбежавшей от меня подружки Лики, ко мне подседа девушка с невероятно обаятельной улыбкой и довольно милыми кудряшками. Её волосы забавно пружинят при каждом движении, а глаза искрятся добротой.

— Привет! Я Лера. Сестра Марка, — улыбка девушки вы-

глядела вполне располагающей, но я уже не уверена, могу ли я тут хоть кому-то доверять.

— Марк это...? — делаю паузу, пытаюсь вспомнить. Лера растерянно смотрит на меня и, сбавив тональность в голосе, поясняет:

— Мой брат, Марк, он с Бесом тебя сегодня привёл на пару.

— Ааа, поняла! Ты про Загира, с его другом говоришь?

— Да! Ты знакома с Бесом, но не знаешь, как зовут его лучшего друга?

— Я с Загиром только утром познакомилась. Я его место заняла на лекции.

Вижу, как Лера меняется в лице и даже приоткрывает рот. Её брови удивлённо поднимаются, а пальцы непроизвольно сжимают край тетради.

— И что он тебе сделал? — Лера округлила свои голубые глазёнки и, кажется, перестала дышать. Её взгляд буквально впивается в меня, ожидая самого страшного сценария.

— Лера, я не понимаю! — от нервного перенапряжения мой голос дрогнул. — Единственное, что я поняла — меня, как новенькую, решили подставить и назвали неправильную аудиторию.

— Анжелика, да? Я просто слышала, как она говорила, что к нам перевели... — Лера замолчала, её щёки слегка покраснели, она явно чувствует себя неловко. Я поняла, что ей не хочется говорить, как именно Лика меня называла. —

Н...новенькую из провинции.

— Лера, так ты мне расскажешь или нет, что именно должно было случиться? — я наклоняюсь чуть ближе, стараясь говорить твёрдо, но без агрессии.

Девушка опустила глаза и, немного потупившись, стала теревить ручку от своей, видно, далеко недешёвой сумки.

— Ну как тебе сказать?

— Как есть! — быстро перебиваю я её, стараясь не дать ей уйти от ответа.

— Зная Дакаева, он как минимум должен был за шкуру вышвырнуть тебя со своего места. И это если у него хорошее настроение, — Лера, говоря всё это, не поднимала на меня глаз. Её голос звучит тихо, почти шёпотом, будто она боится, что кто-то услышит. — Его все боятся! Никто не смеет брать что-либо из его вещей, тем более занимать его место.

— Странно, — пожимаю плечами, невольно вспоминая спокойное лицо Загира и его дружеский жест. — Мне совсем так не показалось! Но Бесом его не просто так зовут, я правильно понимаю?

Лера кивнула и добавила:

— Может, ты ему понравилась?

— Это вряд ли! — усмехаясь, мотаю головой, но внутри что-то ёкает.

— Почему же? Ты довольно милая!

Объяснять, само собой, я не стала, почему молодой человек решил мне помочь. Хотя то, по какой причине он из-

начально меня не вышвырнул со своего места, я не поняла. Ведь Лика, судя по всему, была уверена, что именно так и произойдёт.

Пары закончились, а вот сюрпризы на сегодня — нет. Я собираю вещи, стараясь не спешить, но внутри всё ещё бурлит.

Как только я вышла за порог университета, была крепко-накрепко охвачена нежными и заботливыми руками Натальи Викторовны, женой моего крёстного, которая относилась ко мне чуть ли не лучше родной матери. Её объятия такие тёплые и родные, что на мгновение я забываю обо всех утренних неприятностях.

— Девочка моя сладкая, как же я соскучилась по тебе! — её голос звучит так искренне, что на глаза чуть не наворачиваются слёзы.

Дальше Наталья утаскивает меня по магазинам. Отказаться от нового гардероба я просто не имею права, — по мнению жены Лёли, конечно же. Она объясняет это тем, что они — мои вторые родители, и не могут допустить, чтобы я в столице ходила в подобном виде. Я лишь киваю, чувствуя смесь благодарности и неловкости.

В принципе, я не очень сопротивлялась. Сама всё понимаю... Пока Наталья выбирает платья, я рассматриваю себя в зеркало и думаю: может, и правда пора меняться?

Это мои родители считают, что одежда — не главное, и всё не могут понять, как же сильно это усложняет мне жизнь.

Иногда мне кажется, что мама специально покупает для меня дешёвую, бесформенную одежду, будто хочет, чтобы я всю жизнь была при ней. Я сжимаю губы, отгоняя неприятные воспоминания.

Мама всё время напоминает, как много они вложили в меня, и что я просто обязана буду обеспечивать их, потому как здоровье у неё с отчимом уже не то, и работать с каждым годом всё сложнее. В груди снова всё сжимается от тяжести этих слов — я чувствую вину, хотя понимаю, что это манипуляция.

С Натальей спорить бесполезно, это я знаю ещё с детства. Сначала я соглашаюсь всего на пару кофт и юбок, но в общежитие я приезжаю, одетая с головы до ног.

Ещё и в салоне красоты побывать успела. Мне немного укоротили волосы, теперь они подстрижены каскадом, чуть ниже лопаток, получилось очень красиво. Я смотрю на себя в зеркало и не узнаю — лицо кажется более открытым, черты чётче, а взгляд — увереннее.

В салоне немного поколдовали с моим лицом, сделали несколько процедур и показали, как правильно наносить лёгкий макияж. Косметику, само собой, мне тоже купила моя добрая фея-крёстная. О том, сколько денег на меня сегодня потратила Наталья Викторовна, даже думать боюсь.

В комнату, которая до конца моей учёбы будет являться моим домом, я вхожу ближе к десяти. Разуваюсь и, сделав несколько шагов вглубь комнаты, бросаю пакеты на свою

кровать, снимаю верхнюю одежду и только сейчас замечаю, что что-то не так!

В комнате пусто! А точнее, в ней полностью отсутствуют вещи Анжелики. На её кровати лишь голый матрас, тумба полностью раскрыта и в ней, кроме мусора, ничего нет. В её угловом шкафу так же пусто. Ощущение, что собиралась прямо бегом.

Мне стало немного не по себе. Какое-то неприятное чувство! Будто это по моей вине. Сажусь на кровать и делаю глубокий вдох. Стараюсь отогнать все неприятные мысли.

— Я тут не причём! — убеждаю сама себя, но голос звучит неуверенно. — Я ей не понравилась? Таки плевать! Я же не могу всем подряд нравиться. Я такая, какая есть!

Закрываю глаза, делаю несколько глубоких вдохов и выдохов. «Спокойно, Есения — мысленно повторяю я. — Ты ни в чём не виновата».

Сейчас почему-то вспомнила, как, поступив в наш Челябинский университет, впервые вошла в свою группу. Меня ведь тоже не приняли тогда мои сокурсники. Помню, как я плакала тогда. Перед глазами встаёт картина: я стою у доски, все смеются, а я не знаю, куда деться.

Со временем всё наладилось, и меня перестали задевать. Конечно же не потому, что все вдруг поняли, какая я хорошая, просто, наконец, им надоело и большая часть моих сокурсников перестала обращать на меня внимания. В Челябинске у меня немного подруг, а близкая и вовсе всего одна.

Мы с Иринкой познакомились на первом курсе — она единственная, кто подошёл ко мне после того случая у доски и сказал: «Не обращай внимания, они просто дураки».

Кстати, нужно набрать Иринку! Рука уже тянется к телефону, я представляю, как расскажу ей всё — про Лику, про Загира, про новый гардероб...

Не успеваю достать телефон, как в комнату с грохотом буквально вваливается темноволосая девчонка с огромными сумками. Она спотыкается о порог, едва не падает, но в последний момент хватается за край моей кровати и выравнивается. Сумки с глухим стуком падают на пол.

4 глава

— Привет!

— Привет.

— Я Маша, меня к тебе переселили.

Широко улыбаюсь и уже задумываюсь, а есть ли здесь под-
вох? Окидываю свою новую соседку быстрым взглядом —
она выглядит открытой и дружелюбной, никаких тревожных
сигналов. Кажется. По крайней мере, никакого страха или
даже малейшего дискомфорта перед слегка полноватой, сим-
патичной девушкой я не испытываю. На душе даже поче-
му-то становится чуть легче. Сажу на своей постели, опер-
шись спиной о стену, и, расслабившись, наблюдаю за тем,
как Маша практически с ходу начинает распаковывать свои
вещи.

— Я Есения.

— А я знаю! — девушка повернулась в мою сторону. —
Анжелика рассказала, — и тут же поправилась, слегка сму-
тившись. — Сказала. Анжелика мне сказала!

— Понятно. Ты с нашей группы?

— Нет! Я с параллельного потока. Но у нас с вами есть
совмещённые лекции.

— Мм.

Не хочу мешать новой соседке распаковывать вещи.
Встаю, потягиваюсь и бросаю взгляд на окно — за ним уже

темнеет, день выдался насыщенным. С телефоном выхожу на кухню, сейчас там никого нет, и я могу спокойно позвонить.

Первым я набираю номер родителей и долго слушаю лекцию о том, что я должна учиться, а не вертеть хвостом. Сжимаю телефон в руке, стараясь не выдать раздражения. Как только мама услышала о том, что я вместо того, чтобы сидеть со своими книжками и заниматься, заниматься и заниматься, прошла с Натальей по магазинам, мама мне по телефону устроила настоящий разнос.

Это хорошо, что я предусмотрительно умолчала о том, что шопинг был для меня, а не для Натальи и что на учёбу я теперь буду ходить, одетая не хуже других.

В своём городе я бы не рискнула носить модную одежду, точнее, мама бы не позволила, а сейчас мне не терпится пощеголять в обновках. Даже не верится. Провожу рукой по ткани новой кофты — мягкая, приятная на ощупь. Улыбаюсь, представляя, как завтра пойду на пары в новом образе.

Всё-таки мама очень меня подавляет. Мне кажется, она такой не была, когда был жив папа. Глубоко вздыхаю, отгоняя тяжёлые воспоминания.

Мой родной отец, Милохин Иван Николаевич, погиб, когда мне только исполнилось четыре. Мама вышла замуж за Станислава Борисовича уже через полгода. Я не осуждаю её, ей было нелегко, и я это понимала, хотя и была тогда совсем малышка ещё.

Маму в то время словно разрывало на части. Она дико

кричала первое время. Мой крёстный, Анатолий Геннадьевич, вместе с Натальей Викторовной не отходили от меня и мамы. Потом мама немного успокоилась и плакала только по ночам.

Спустя несколько месяцев она встретила отчима, и спустя всего два месяца со дня знакомства она вышла за него замуж.

Лёля был очень недоволен этим. Тогда впервые он поругался с моей мамой, я сидела в своей комнате и всё слышала. Он сказал, что она предала его друга детства — моего отца, не выдержав положенный траур. А ещё, что Станислав настоял на скорой свадьбе не из-за большой любви к моей маме, а из-за квартиры и прописки. Мама тогда прогнала Анатолия Геннадьевича, и даже долгое время запрещала мне видеться с ним.

Крёстный стал приходить ко мне в детский сад, а потом и в школу, он таскал мне сладости, и это был наш с ним большой секрет от мамы.

Когда я перешла в пятый класс, крёстный пришёл ко мне и, обняв крепко-крепко, сказал, что гордится мной и что папа тоже бы мной гордился. Это было так важно для меня. Тогда как раз я выиграла свою первую олимпиаду, а меня даже никто не похвалил. Потому как мама была занята очередной любовницей моего отчима. Она восприняла мою победу в олимпиаде как должное.

Не сказала мне даже банального: «Молодец, дочка».

Тогда же крёстный сообщил, что они с Натальей переез-

жают в столицу. Я до сих пор помню то чувства. Потери и безысходности. Я осталась одна. Без поддержки совсем. Тогда я прорыдала в подушку всю ночь, а Анатолию Геннадьевичу пришлось переступить через себя и попросить у мамы и Станислава Борисовича прощения. И всё ради того, чтобы мама позволила общаться ему со мной.

Хотя я уже тогда понимала, несмотря на свой юный возраст, что крёстный целиком и полностью был прав, и просить прощения ему не за что было.

Отчим изменял маме, и она это знала, знала и не просто прощала, а умоляла не бросать её. Он бы и сейчас изменял, просто сейчас уже возраст не тот и здоровье соответственно.

К сожалению я мало помню позитивных моментов своего детства. Мама стала меняться, зачастую срывалась на мне по пустякам, и буквально заставляла меня называть Станислава папой. Я не хотела, упрямилась, но мама меня сломала.

Не разговаривала со мной почти неделю, для меня это был огромный стресс. Я не выдержала, сдалась!

Он не заменил мне отца. Да и не стремился вовсе к этому.

Для меня ближе и роднее всегда был и будет Лёля, хотя мы и не виделись уже три года. Последний раз он приезжал ко мне, когда мне было шестнадцать, остальное время мы только созванивались. Сейчас мой крёстный в командировке, приедет только к выходным, с утра позвонил и поздравил с первым учебным днём, и сказал, что на выходных ждёт с ночёвкой.

Ну как я могу отказать?

Тем более приезжает их сын Влад.

Влад — единственный сын семьи Сидоренко. Он учится за границей, и мы редко общаемся, но в целом ладим.

С Иринкой по телефону я проболтала больше часа, вкратце пересказала ей сегодняшний день, но не стала концентрировать внимание ни на чём конкретном. Всё в общих чертах. В основном слушала я, новости про своих, теперь уже бывших, однокурсников. Попросила передавать всем привет и отправилась спать.

Завтра снова пары.

На следующий день я вошла в группу, полностью преображённая. На мне модные джинсы и пуловер, на ногах — белые кеды. Ощущаю непривычную лёгкость — одежда не сковывает движения, сидит идеально. Новенькое пальто и полусапожки остались в гардеробе. Удивительно насколько вещи могут дарить уверенность в себе.

На лице лёгкий макияж. Красилась, как вчера показывали в салоне. Осторожно касаюсь щеки — тональный крем действительно скрывает мелкие недостатки, а тушь делает ресницы гуще. Волосы я собрала в высокий хвост. Вроде получилось неплохо!

Не обращая внимания ни на кого, прошла и села на своё теперь уже законное место, которое никто не посмел занять. Чувствую, как внутри разливается тепло от осознания: я больше не та запуганная новенькая. Спасибо, Загир!

Рядом со мной присела Лера.

— Ты не будешь возражать, если я теперь с тобой буду сидеть? — вдруг спросила девушка.

— Да ради бога, я не против.

— Хорошо!

Лера вся излучает свет. Она бескорыстная. Просто плохих людей с подобной внешностью, мне кажется, не существует! Она нежная, маленькая и хрупкая. Миленькое кукольное личико, большие бездонные глаза, густые пушистые ресницы и такие милые ямочки на щеках. Она словно фарфоровая статуэтка.

С Лерой мы подружились! Несмотря на то, что с виду она тихоня, Лера просто бесценный кладёзь информации. Это невероятно! Она знает всё обо всех и обо всём.

Так всего за день я узнала, кто есть кто. Кто с кем дружит, кто кого любит, кто о ком безответно вздыхает, а главное, с кем можно без опаски подружиться, кстати, таких немало! Как бы то ни было, народ всё же адекватен.

Лера даже мою новую соседку Машу знает. И говорит, что она вполне нормальная девчонка, только храпит безбожно, и это правда, я уже поняла. Скорее всего, именно по этой причине её и попросили перебраться ко мне. Сегодня пойду, куплю беруши. Потому как спала я сегодня под гудения паровоза.

Последняя пара — физкультура, и совмещена она у нас со старшим курсом, где учится Загир.

Я переодеваюсь в спортивную облегающую майку и лосины, на себя в зеркало не смотрюсь, просто выхожу в зал вместе с Лерой.

В зале уже идёт игра в волейбол, парни нашего курса против старшекурсников. Воздух наполнен смехом, криками и топотом ног.

Я смотрю вперёд и натыкаюсь на прищуренный пристальный взгляд Дакаева.

— О-ля-ля, вот это цыпа! — восклицает друг Загира, Марк.

В нашу сторону обернулись абсолютно все, кто находился в зале. Щеки мгновенно вспыхивают, я невольно опускаю взгляд, но тут же заставляю себя выпрямиться и не показывать смущения.

Я сразу поняла, что это про меня, потому как у входа стояли только мы с Лерой, а в адрес своей сестры он подобного говорить, само собой, не будет. Ладони слегка потеют, в груди всё сжимается. Я немного опешила, в свою сторону я таких оценок не слышала ни разу. И Загир, судя по взгляду и довольной ухмылке, тоже оценил мой внешний вид. Да я, честно говоря, сама от себя в шоке. Повернувшись вправо, где находится зеркальная стена, я едва не роняю на пол челюсть.

Из зеркала на меня смотрела шикарная девушка со светящимися голубыми глазами, пухлыми алыми губами, вполне себе приличной грудью в облегающей майке, тонкой талией

и стройными ногами. Я не слишком высокого роста, но сейчас казалась себе длинноногой моделью. Сердце колотится так сильно, что, кажется, его слышат все вокруг. «Это точно я?» — мелькает в голове.

Взяв себя в руки, я сумела сдержаться и не сбежала обратно в раздевалку, чтобы переодеться в свой бесформенный спортивный костюм. Я иду вслед за Лерой, которая тянет меня за руку прямо к своему брату.

— Марк! — улыбается Лера брату. — Мы тоже хотим поиграть.

— Хотите дальше, — пожимает плечами.

— Ма-а-арк ну-у, пожалуйста.

Лера сложила вместе ладони в умоляющем жесте, топала ножками и дула губки. Марк же тепло улыбался, смотря на сестру с невероятной нежностью, но при этом отрицательно мотал головой, явно дразня девчонку.

На них было так приятно смотреть, я впервые видела настолько явное проявление теплоты между братом и сестрой.

— Они всегда такие? — обратилась я к также улыбающемуся Бесу.
— Бывает! — хмыкнул Дакаев.
— Тебя мячом прибьёт. Кто мне яичницу по утрам готовить будет? — продолжает дразнить сестру Марк.

Лера оттопырила нижнюю губу и обиженными глазами смотрит на брата, а тот лишь, ухмыляясь, подзуживает её. Невольно улыбаюсь, наблюдая за этой семейной перепалкой.

— Может, мальчики против девочек? — несмело предла-

гаю я.
 — На желание! — говорит рыжий парень из группы старшекурсников.
 — Если желания адекватные, ну и если девчонки из команды не против, — вставляет Нина Зарубина с нашего курса.

Мне, конечно, это не нравится, мало ли, что парням придёт в голову. Внутри всё сжимается от тревоги, но я стараюсь не показывать страха. Но все оживились, видно, затея играть на желание пришлась большинству по душе, значит, придётся играть.
 — Так, кто играет? — повышает голос рыжик.

С трибун подскочило сразу несколько девушек, чуть больше, чем нужно для игры.
 — Так, играют, — Марк с серьёзным лицом, помимо нас, пальцем указал на четырёх девчонок. Я, наблюдая за ним, подумала, что выбирал он их исключительно по размерам груди, так как выше бюста глаза не поднимал. В груди закипает раздражение, но я подавляю его — сейчас важнее сосредоточиться на игре.

Девочки, к счастью, играли неплохо, и мы шли почти вровень по очкам. В момент, когда нам удавалось забить гол, парни, смеясь, ругали Марка, ворча, что в прыжке девочки сильно отвлекали их от мяча. Я ловила на себе взгляды — оценивающие, заинтересованные, — и старалась не обращать на них внимания. Я знаю что довольно симпатичная, но всё же к подобному вниманию я не привыкла.

Мы договорились, что играем до того, как Евгений — так называли преподавателя по физкультуре — вернётся в зал,

и у кого на тот момент больше очков, тот и победил.

Счёт был равен. Семь — семь.

Я посмотрела на рыжика, что собирался подавать мяч, и как-то по взгляду, брошенному на вход, поняла, что пришёл преподаватель, а значит, подача будет мощной.

Проигрывать не хотелось до чёртиков. Я просто-напросто боялась желания парней. Во рту пересохло, мысли путаются: «Что они могут загадать? Что, если это будет что-то унижительное?»

Во время игры они не раз отпускали похабные шутки про то, какие будут желания. Но больше всего меня поразило, что девочки принимали шутки парней как должное.

Словно ничего в том, что на коленях мы будем с их “приборами” во рту, признавать превосходство парней, нет!

Когда прозвучала унижительная фраза, перед глазами так ясно встала картинка, что у меня сработал рвотный рефлекс, слава богу, этого никто не заметил. Кстати, это была не самая грязная шутка, звучавшая за игрой. Я бросаю быстрый взгляд на Леру

Я не ошиблась! Дима с невероятной силой отправил подачу в нашем направлении. Мяч летел в квадрат Леры, самой слабенькой из игроков, причём летел достаточно резко. Время словно замедляется: я вижу, как мяч стремительно приближается к лицу подружки, и в этот момент во мне что-то щёлкает. Я, перепугавшись за неё, рванула к мячу и каким-то чудом отбила его в считанных сантиметрах от лица сво-

ей новой подруги.

В зале полнейшая тишина, слышно лишь постукивание отлетевшего в сторону мяча. Все застыли, уставившись на меня. В груди бушует смесь адреналина и облегчения. Лера переводит на меня потрясённый взгляд и шепчет:
— Спасибо...

5 глава

— Лера, ты как? — с тревогой в голосе спрашиваю, в то же время чувствуя, как правая рука, которой я отбила мяч, горит огнём. Мне даже не хочется думать, что было бы с Лерой, прилети ей по голове.

— Нормально! — было сказано мне, но взгляд подруги был перепуганным и направлен к приближающемуся брату. Она слегка попятилась назад, инстинктивно прикрывая голову рукой.

Марк, пристально вглядываясь в испуганное лицо Леры, странно улыбаясь, спросил:

— Не задело?

— Марк, не надо, — проговорила Лера дрожащим голосом, качала головой и смотрела на брата всё теми же испуганными глазами. — Марк, пожалуйста, не надо. Её губы слегка подрагивали, а пальцы нервно теребили край футболки.

Что происходит?

Почему Лера странно себя ведёт?

Шок?

Осторожно потираю запястье, которое болит всё сильнее и сильнее.

Резко вздрагиваю от тёплого прикосновения к своей руке, поднимаю голову и вижу Загира, что аккуратно держит на весу моё запястье.

— Болит? — спросил он, слегка прищурившись. От этого строгого взгляда чёрных глаз, прожигающего насквозь, мне становится не по себе.

— Нормально. Загир, что происходит? — всё же спрашиваю, потому как в зале снова воцарилась полнейшая тишина. Я нервно сглотнула, пытаюсь унять дрожь в голосе.

— Ничего! Идём, тебе в больницу надо, — бросил Загир. Теперь взгляд шурю я, не понимаю, зачем мне ехать в больницу. — Снимок сделать, — поясняет парень.

Дальше меня ни о чём не спрашивали, Дакаев только неразборчиво буркнул что-то неясное двум парням и решительно потащил меня на выход, далее по коридору и на улицу. Хорошо хоть в гардероб разрешил зайти, пальто с сапогами надеть.

Загир усадил меня в очень красивую спортивную машину, чёрно-оранжевого цвета.

— Красивая машина, я такую по телевизору видела! — Дакаев улыбнулся и завёл мотор, звука которого практически не было слышно в салоне автомобиля. — Кто у тебя родители?

Конечно, я понимаю, что мы едва знакомы и задавать подобные вопросы я не должна. Но почему-то именно с Загиром мне легко общаться. Я не чувствую с ним присущей мне зажатости или стеснительности — ещё вчера я это заметила.

— У меня нет родителей, Есения.

— О, прости. Я... — замявшись, я почувствовала себя

неловко, и потупила взгляд.

— Ничего страшного, их давно нет. Меня брат воспитывал! — парень невесело улыбнулся и добавил. — Хотя он не сильно старше меня.

— Понятно... — прошептала я, стараясь скрыть смущение.

— Машину, кстати, он мне на день рождения подарил.

— Хороший подарок! — немного поджав губы, с любопытством разглядываю салон.

— Согласен.

Остановившись у светофора, Загир посмотрел на меня.

— Хочешь, возьму тебя с собой на гоночную трассу, в выходные. Погоняем! Он подмигнул, и на его лице появилась озорная улыбка.

— О нет, Загир! Извини, я не хочу быть покалечена, ещё и твоими фанатиками. Кто-нибудь узнает о наших совместных покатушках и вторую руку мне повредит, — решительно возражаю, слегка приподнимая больное запястье и морщусь от боли.

— Бл*ть, она опухает, — выругался парень, хмурясь и бросая взгляд на мою руку.

Загорелся зелёный свет, Загир ловко перестроил машину в другой ряд и уже через десять минут мы были припаркованы у частной клиники.

— Загир, это частная клиника, я не могу себе такого позволить. Мой голос дрогнул, а внутри всё сжалось от тревоги.

— Успокойся и пойдём, — твёрдо произнёс он. Не дожидаясь моего ответа, парень вышел из машины и, обойдя её, помог мне выбраться наружу.

— Загир, я сказала, что...

— Есения, тебе ничего не нужно платить! — Загир немного повысил голос, но тут же смягчился, глядя мне в глаза. Он взял меня под локоть и практически потащил к входу.

— За твой счёт тоже не пойду, — произношу упрямо, чувствуя, как во мне закипает протест. Вырываю локоть из захвата и, не хуже Лерки, надуваю губы.

— Хорошо, я тоже не буду платить. Гордеев пусть платит, ему счёт предъявлю, согласна?

Гордеев — это тот парень, что чуть не прибил Леру, я так поняла!

Я задумалась, а Загир решил меня дожать.

— До государственной больницы, по пробкам, часа два ехать. Рука уже опухает, плюс, — документы? — парень смотрит на меня вопросительно, изогнув бровь, и слегка наклоняет голову.

— В общепитии, — чуть слышно отвечаю, опуская взгляд и чувствуя, как краска заливает щёки.

— И я о том же. Идём, — Дакаев собирается взять меня снова под локоть, но его отвлекает звонок его айфона.

— Да, Алан!

— ...

Я не разбираю слов, доносящихся из динамика, но чётко слышу, что у собеседника Беса уверенный и резкий голос.

— Я тут недалеко, у меня дела.

— ...

— Нет, недолго.

— ...

— Хорошо! Только я не один буду, — говоря это, парень почему-то смотрел на меня.

— Ладно, постараюсь побыстрее.

Загир кладёт трубку и вновь берёт меня под локоть.

— Так, давай быстрее. Не время сопротивляться, мне к брату нужно. Его голос звучит жёстко, почти как приказ.

Глубоко вздохнула, и пытаюсь унять волнение, я всё же послушно последовала за Бесом. Кстати сейчас он как раз мне его и напоминал.

Без всяких очередей и толкучек. Мне буквально за пятнадцать минут провели осмотр, сделали рентген руки, и вот, спустя ещё минут двадцать, я стою с загипсованной рукой на крыльце всё той же больницы.

— Есения, тут рядом офис моего брата, заедем ненадолго. Потом я отвезу тебя в общежитие.

Его голос не звучит дружелюбно, даже наоборот, грубый, властный, но меня он не пугает совсем.

И это странно...

Сегодня во время игры Загир бросил всего несколько фраз и каждый, кому что-либо было сказано им, буквально

съёживался под его баритоном.

— Загир, ты если занят, это не страшно, я доберусь на маршрутке. Я старалась говорить спокойно, но голос чуть дрогнул.

— Ага, с гипсом, — фыркнув Дагаев, открыл передо мною дверь авто и буквально втолкнул в салон.

— Грубиян, — бурчу себе под нос.

Офис брата Загира оказался действительно совсем рядом. Я впервые оказалась в бизнес-центре такого масштаба.

В самом центре Москвы, огромное стеклянное здание. Мы поднялись на двадцатый этаж и вошли в просторный светлый холл. На мгновение замираю, когда поняла, что меня ведут к ресторану, что находился на этаже.

— Загир, а ты уверен, что нас пустят в подобном виде? Мой голос прозвучал неуверенно, я нервно поправила пальто, которое надето на одну руку.

Выйдя из университетского спортзала, мы не переоделись. Набросили на себя верхнюю одежду, и обувь сменили на уличную. Пальто у меня сейчас и вовсе надето на одну руку, так как вторая в гипсе. Загир же поверх спортивной майки и трико накинул только чёрную кожаную куртку.

Ответить на мой вопрос парень не успел, потому как к нам уже подходит длинноногая блондинка — хостес ресторана.

— Добрый день, Загир Бадханович! Алан Бадханович уже ждёт вас.

Парень кивает блондинке, просит не провожать нас и

слегка толкает меня в спину, заставляя пройти вперёд.

Весь ресторан выкрашен в тёплые тона. Небольшие столики с белоснежными скатертями, на каждом из них вазочки с цветами. Много света, отчего очень тепло и уютно.

Мы подходим к одному из столов, что с двух сторон огорожен резными стенками из красного дерева.

За столом, склонившись над бумагами, сидит широкоплечий мужчина. Его белоснежная рубашка с закатанными выше локтя рукавами облегает стальные мышцы и резко контрастирует со смуглой кожей.

— Алан, — зовёт его Загир, аккуратно помогая мне снять пальто.

Мужчина поднимает голову и, мельком взглянув на брата, переводит заинтересованный взгляд на меня.

От Алана исходит бешеная энергетика. Я настолько сильно ощущаю её мощь, что становится сложно дышать. Даже сердце как-то чаще забилося, а ещё вспотели ладони.

— Присаживайся! — говорит мне Дакаев-младший, кивком головы указывая на мягкое кресло.

Сам Загир садится напротив меня и пододвигает мне место, что лежит на краю стола. Я невольно сжимаю пальцы, чувствуя, как внутри нарастает неловкость. Я и не думаю его брать. Не собираюсь кушать за чужой счёт! Тем более в меня и смотреть не надо для того, чтобы понять — я и чашки чая не смогу себе тут позволить!

Слегка ссутулившись, молча сижу и тереблю край майки.

Моё дыхание чуть учащается, а ещё неприятно щекочет в груди от смущения.

— Загир, ты не представишь мне свою спутницу? — голос Алана звучит ровно, но в то же время властно. С этим мужчиной шутить нельзя, и я это в данный момент очень хорошо понимаю.

Я смотрю на Загира из-под опущенных ресниц и отчётливо читаю удивление на его лице. Почему?

— Да... а, конечно! — Загир слегка ёрзает на кресле, прочищает горло и произносит: — Знакомься, Алан, это — Есения, Есения, это мой старший брат Алан, — последнее он произносит с гордостью в голосе.

— Здравствуйте, — еле слышно лепечу я, стараясь не поднимать взгляд выше подбородка мужчины.

Лишь мимолётно взглянув на мужчину, поймав на себе пристальный изучающий взгляд, я резко отвожу глаза. Причём, наверное, слишком резко, потому как тут же слышу усмешку Алана.

— Еся, расслабься. Мой брат не кусается, — почти мягко произносит Загир, слегка наклоняясь ко мне и ободряюще улыбаясь.

Не успеваю что-либо ответить. Слышу голос старшего Дакаева, обращающегося к брату. При этом он по-прежнему не сводит с меня взгляд. По спине пробегает холодок, и я невольно сжимаю край майки сильнее.

Не разбираю ни единого слова, так как языка, на котором

брат Загира говорит, я не знаю.

Загир усмехается, но ничего ему не отвечает. Вместо этого он обращается ко мне.

— Не стесняйся, закажи себе поесть. Я видел, ты не ела сегодня в столовой. Его взгляд становится мягче, почти заботливым. Всего на мгновение возникает ощущения, что для Загира подобное поведение огромная редкость и не для всех...

— Спасибо, я не голодная, — вру, конечно, просто денег у меня совсем немного, а просить у родителей не хочется. Поэтому сегодня за обедом я ограничилась порцией салата и стаканом чая. Мой голос звучит чуть дрогнув, и я поспешно опускаю глаза.

— Хорошо, я сам тебе закажу! — решительно парень поднимает руку, подзывая официанта.

— Загир, я же сказала... — начинаю я, но мой протест звучит неубедительно и почти жалобно.

Договорить у меня не получается, к нам уже подошла молоденькая девушка в форме официантки и, лучезарно улыбаясь, принимается записывать заказ.

Загир заказывает для меня стейк из сёмги!

Хочу возразить, но не получается. Парень переводит взгляд на брата, спрашивает, что будет он, и, приняв заказ, официантка быстро уходит.

Ладно. Решаю, что не буду строить из себя скромницу и просто приму заботу Загира.

— Брат, а твоей подруге не будет скучно слушать, как мы обсуждаем дела? — в хрипловатом голосе мужчины слышится лёгкий акцент, а его взгляд всё ещё изучает меня, будто сканирует.

— Думаю, нет, — хмыкает парень, чуть приподнимая бровь. — Ты, я так понял, снова расхождения нашёл?

— Да! — Алан резко, но уверенно подвинул папку с документами Загиру, и тот, с серьёзным выражением лица, начал сосредоточенно их изучать.

Спустя пять минут вновь появилась официантка. Поставила на стол графин сока и подала салаты. У меня «Греческий», у мужчин что-то посерьёзнее.

Ни разу не пробовала греческий салат, приготовленный ресторанным шеф-поваром. А он разительно отличается от того, что мы с мамой в праздники готовим дома.

Не хочу показаться бестактной и на вопрос Алана «вкусно?» слегка улыбаюсь и вру «очень», хотя на самом деле домашний вариант мне нравится больше.

Расправившись с салатом, я попиваю сок, через пару минут приносят рис с овощами и невероятно вкусно пахнущей рыбой, к которой я не притрагиваюсь.

— Зря рыбу не ешь! Она у повара Алана получается просто превосходной.

Сделав очередной глоток сока, мило улыбаясь, отвечаю парню:

— Я поверю на слово!

Загир немного хмурится, и я решаю всё-таки пояснить.

— У меня аллергия на красную рыбу. Произношу это тихо, но чётко, стараясь не выдать неловкости.

— Почему не сказала? — Загир удивлённо приподнимает брови.

— А ты позволил? — я чуть усмехаюсь, и напряжение немного отпускает — впервые за весь вечер я чувствую себя чуть свободнее, позабыв о суровом мужчине, что сидит справа от меня и, по ощущениям, прожигает меня взглядом.

Загир хочет поднять руку, чтобы подозвать официанта, но я его торможу умоляющим тоном:

— Загир, я прошу тебя, я правда объелась, ну серьёзно. Мой голос звучит почти просительно, и взгляд мой умоляющий встречается с его глазами.

— Что и десерт не попробуешь? — в голосе Загира слышится лёгкая насмешка.

— Десерт? — сладкое — моя слабость. Мои глаза загораются, а губы невольно растягиваются в предвкушающей улыбке.

Прищулив с хитрецей глаза, я, топая двумя пальцами по столу, подбираюсь к меню. В глазах Загира я вижу усмешку, а справа чувствую всё тот же прожигающий пристальный взгляд.

Моментально подбираюсь, наконец вспоминаю, что мы за столом не одни. Быстро сглатываю, выпрямляюсь и стараюсь придать лицу более сдержанное выражение.

Я выбрала фисташковое мороженое, моё любимое. И, наслаждаясь превосходным десертом, слушала разговор двух братьев.

Алан неплохо разбирается в счетах и понимает, что в его фирме кто-то грамотно подворовывает.
 Только вот кто именно, никак не удаётся понять, потому как недостача видна только в общем отчёте, а его составляют после сдачи отчётности по всем отделам.

Я знаю несколько схем подобного мошенничества, при подготовке к олимпиаде я не раз сталкивалась с решением подобных задач.

— Загир, если не прям-прямо секретно, дай, я посмотрю. Мой голос звучит неожиданно уверенно, и рука на автомате тянется к папке.

Парень на мгновение замер, посмотрел на Алана и, по всей видимости, получив одобрение, молча передал мне файл.

Моё подозрение изначально упало на отдел продаж, мне хватило всего пары минут, чтобы понять — моя интуиция меня не подводит.

— Отдел продаж! — уверенно произношу я, потому как схема старая, но рабочая. — Сравните с предыдущими месяцами, — проговариваю быстро и с лёгкой небрежностью возвращаю папку, и сосредотачиваюсь на поедании своего подтаявшего десерта.

Немного неловко подцепляю последний холодный комо-

чек, и он соскальзывает с ложки прямо на мои пальцы.

— О, Аллах! — слышу я и поворачиваю голову в сторону Алана.

А тот, уже потирая лицо ладонями, запрокинул голову и что-то бормочет брату, снова на своём языке. Смотрю на Загира, вижу, как Бес старательно прячет улыбку за чашкой кофе.

— Это плохая идея, брат! — отвечает на русском Загир.

Молча пожимаю плечами, решив, что у Алана немного запоздавшая реакция на то, как быстро я нашла неправильный расчёт. Я, облизнув свой последний сладкий пальчик, вновь, с лёгкой улыбкой, смотрю на Загира.

— Спасибо! Кажется, ничего вкуснее в жизни не ела. В моём голосе звучит неподдельная благодарность.

— Я заметил! — так же улыбаясь, отвечает Загир.

— Есения, я так понимаю, вы с Загиром учитесь? — Алан слегка наклоняется вперёд, его взгляд становится ещё более пронзительным.

Я поворачиваюсь к Алану и отмечаю — его взгляд стал тяжелее. Он странно на меня смотрит, и от этого у меня мороз по коже. Я невольно втягиваю голову в плечи, стараясь стать незаметнее.

— Не совсем. Я на втором курсе. Меня перевели из другого города. Я сегодня всего всего второй день.

— Так вы вчера только познакомились? — мне показалось, что мужчина немного взбодрился. Его глаза на мгно-

вание загорелись интересом, а губы чуть дрогнули в намёке на улыбку.

— Да! — отвечаю тихо, невольно сжимая пальцами, на этот раз край скатерти.

— Ясно. А с рукой у тебя что? — Алан слегка наклоняется вперёд, его взгляд становится ещё более пронзительным.

— Неудачно мяч приняла на физкультуре, — отвечаю я, стараясь говорить ровно, но голос предательски дрожит. Отвечать на вопросы Алана мне невероятно сложно. Я опускаю глаза, избегая его прямого взгляда, и нервно провожу здоровой рукой по волосам.

— Бывает! — кивает Алан, но его тон остаётся холодным, отстранённым.

Всё время, пока брат Загира говорил со мной, меня не покидало чувство тревоги, этот мужчина по-настоящему опасен. От напряжения у меня загудела спина. Ладони вспотели, и дыхание стало прерывистым.

Я не хочу, чтобы он так смотрел на меня. От его пристального взгляда нарастает паника, и я не справляюсь с ней. Внутри всё сжимается, а сердце начинает биться чаще.

— Загир, мне в общежитие нужно, — говорю я, стараясь придать голосу твёрдости, но он всё равно дрожит. Парень оторвался от бумаг. — Я сама могу добраться, не отвлекайся. Я слегка выпрямляюсь, пытаюсь выглядеть увереннее, чем чувствую себя на самом деле.

— Нет, Есения, сама ты никуда не поедешь! — резко бро-

сает Алан.

Впиваюсь взглядом в мужчину. Стараюсь не показать своего испуганного взгляда. Его тон не терпит возражений. Становится трудно дышать.

— Мой водитель отвезёт тебя, а нам с братом придётся поработать в офисе.

Я сглатываю, чувствуя, как к горлу подступает ком. Стараюсь взять себя в руки, глубоко вдыхаю, задерживаю дыхание на пару секунд и медленно выдыхаю. Вдох, выдох.

— Алан Бадханович, мне бы не хотелось вас утруждать.

Его взгляд стал ещё тяжелее, а голос просто звенел. В нём слышится сталь, от которой по спине пробегает холодок.

На что он вдруг разозлился? Я невольно сжимаюсь, чувствуя себя загнанной в угол.

— Ты меня не утруждаешь, даже напротив, ты нам помогла и...

— И не в первый раз! — не громко произносит Загир, перебивая брата.

— Что? — непонимающе смотрит на брата Алан, слегка хмурия брови.

— Вчера я только два расхождения нашёл самостоятельно, остальные три нашла Еся. Загир говорит это с гордостью, чуть приподнимая подбородок.

— Вот как? Так, тем более, я хочу хоть как-то тебя отблагодарить. Конечно, мы бы всё равно нашли ошибки, но ты сэкономила нам уйму времени. Ты поразительно умна для

второго курса, Есения. Алан внимательно изучает меня, и в его взгляде появляется что-то новое, пугающее и мне совершенно не понятное.

— Простите! — сама не понимаю за что извиняюсь. — Но я так не считаю. Просто с цифрами как-то само собой получается. И спасибо будет более чем достаточно. Я стараюсь говорить спокойно, но внутри всё ещё дрожит от напряжения.

Сердце стучит как оглашённое, не хочу казаться истеричкой, но кажется, у меня не получится сдержаться. Ладони становятся влажными, а в груди нарастает тяжесть.

— Я бы хотела домой вернуться самостоятельно, — в голосе писк, я очень нервничаю. С этими словами я поднялась с кресла, немного резче, чем нужно было. Получилось, я резко отодвинув его назад, и, прихватив пальто, я направляюсь к выходу. Шаги звучат слишком громко на фоне внезапно наступившей тишины.

— Алан, ты напугал её! — услышала я голос младшего из Дакаевых. Но ответа Алана не разобрала.

Конечно, это был трусливый побег! Я отдаю себе отчёт, что так делать нельзя, но я не сумела всё-таки совладать с эмоциями. Энергетика Алана меня просто задавила, и я позорно сбежала.

В момент, когда меня догнал Загир, я уже подошла к лифту.

6 глава

— Есения! Есения, ты чего впечатлительная-то такая? Дурочка, — Загир мягко, но настойчиво за плечи притянул меня к себе, слегка встряхнул, заглядывая в глаза.

— Прости, Загир. Некрасиво с моей стороны было сбегать. Я опустила взгляд, чувствуя, как щёки заливает румянец.

— Ничего страшного, — усмехается. — От Алана иногда даже мужики при беседе сбегают, а ты девочка, тебе прости-тельно, — парень развернул меня от себя, слегка подталкивая к двери лифта. — Пойдём, я отвезу тебя. Мне всё равно шмотки забрать нужно.

До универа мы добрались буквально минут за тридцать. Загиру подвозить меня к общежитию я не позволила. Пока мы ехали, я нервно кусала губы, думая о том, что и так уже наделала шуму. Хватит того, что и так судачить будут.

В свою комнату я вошла где-то в районе шести вечера. Моя соседка уже полностью обустроилась и сидела на кровати, листая журнал.

— Привет, — здороваюсь, стараясь звучать бодро. Прохожу к шкафу, вешаю в него пальто.

— Привет! — голос Марии звучит наигранно и довольно неестественно, она даже не поднимает глаз от журнала. — Как покаталась?

— В каком смысле? — замираю на мгновение, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Ну, ты дурочку не включай. Ты с Бесом укатила с последней

— Да почему Бес-то? Не понимаю, — устало выдыхаю, день снова выдался напряжённым, и мне совсем не хочется вступать в этот разговор.

Поворачиваюсь к своей соседке и вижу ухмылку на её лице. Моё сердце начинает биться чаще, и ладони слегка потеют.

— Да мы с девочками сами не понимаем, что происходит. Загир второй день с тобой носится, — почему? Вы давно знакомы? Какие вас связывают отношения?

Мне до безумия не хочется говорить сейчас ни с кем. Я стискиваю зубы, в тысячный раз пытаюсь сдержать раздражение.

Надеваю халат и, взяв косметичку с гигиеническими принадлежностями для душа, прихватив с собой полотенце, выхожу из спальни, бросив на ходу:

— Родственные...

Произнесла я это почти шёпотом, и совершенно не глядя на Марию. После быстро выхожу из комнаты.

Остаток вечера провожу за конспектами. Марии в комнате нет, и меня это радует. Мысли то и дело возвращаются к брату Загира. Я невольно вздрагиваю, вспоминая его взгляд.

Никогда не встречала таких людей. Его взгляд, по-насто-

ящему звериный, даже в момент, когда он говорит, казалось бы, вполне спокойно, он держит всё под контролем. Цепляет взглядом, подчиняет голосом.

Я уверена! Прикажи он мне остановиться в момент побега, я бы подчинилась и не посмела сдвинуться с места. От этих мыслей в груди что-то переворачивается. Странное чувство...

Глубоко вздохнуть, пытаюсь отогнать тревожные мысли. Надеюсь, это наша с ним первая и последняя встреча.

На следующий день, ещё до начала пар, выясняется, что Дима Гордеев неудачно упал с лестницы, при этом сломал руку и челюсть. Лера пояснила, что это неспроста и дала понять, по чьей именно просьбе упал парень.

— Лера, ты уверена? Просто Загир почти до вечера со мною был. И потом, насколько я поняла, поехал помогать брату. — говоря всё это, хмурюсь, пытаюсь сопоставить факты.

— Так и Марк не отходил от меня ни на шаг. Они давно не делают грязную работу самостоятельно.

— Ты поэтому вчера так странно вела себя? Говорила «Марк, не надо, не надо». Знала, что твой брат не оставит это просто так? — внимательно смотрю на подругу, пытаюсь понять, насколько глубоко всё это зашло.

— Конечно, Есения! Мы уже три года без родителей, Марк трясётся надо мной. В прошлом году избил парня за

то, что тот бежал по коридору и нечаянно меня толкнул. При этом я даже не упала!

— Понятно, — про родителей Леры и Марка спрашивать не стала, чувствуя, что эта тема слишком болезненна.

Неделя подходила к концу, я понемногу освоилась. С Загиром за это время я говорила всего один раз.

Он подошёл ко мне на большой перемене, вместе с Марком. Осведомившись, как моя рука, уточнил, когда мы успели породниться?

В тот момент я покраснела до корней волос. Сбивчиво пояснила, что не думала ничего такого, просто хотелось отделаться от нежелательного разговора, — ляпнула, не подумавши. Но, как я поняла, Загир не обиделся вовсе, потому как, рассмеявшись, потрепал меня за волосы и пошёл дальше.

Я даже подумать не могла о том, что Маша не только воспримет мои слова всерьёз, но и разнесёт их по университету. Какую цель она преследовала, для меня осталось загадкой.

Как пояснила мне потом Лера, я — первая девушка, к которой Загир отнёсся, как к человеку. Оказалось, достаиваются подобной чести совсем немногие, а девушек он и вовсе ни во что не ставит. Я после, достаточно долго переваривала эту информацию.

В пятницу вечером я, как и планировала, поехала к Сидоренко. Перед поездкой забежала в ближайшую кондитерскую. Практически на последние деньги купила любимый торт Натальи Константиновны.

Как же давно я не чувствовала себя как дома, по-настоящему, как дома. Столько внимания и искренней заботы, которая ощущалась в каждом слове Анатолия Геннадьевича и Натальи. Я едва сдерживала слёзы, чувствуя, как тепло разливалась в груди.

В какой-то момент, когда Лёля со своей женой в очередной раз тискали меня, словно мне пять лет, мне как-то стало немного неловко перед Владом. Он ведь вернулся из-за границы всего пару дней назад. Но когда я увидела его тёплую улыбку, поняла: Влад не ревнует родителей ко мне. Да и само отношение Влада в мою сторону не многим отличается. Тискать, слава богу, он не пытается меня, но в остальном ведёт себя, как старший брат. Подколки, подпинки, — всё в рамках дозволенного, разумеется!

Этим вечером всё же не смогла сдержать слёз. Как только подошло время ко сну, меня провели в мою комнату, Наталья подготовила её специально для меня. Не гостевую, а именно для меня — МОЮ собственную. Где спать буду только я. Замерев на пороге я чувствовала как глаза наполняются слезами.

Крёстный же в свою очередь просто потребовал, чтобы каждые выходные я проводила у них, независимо дома они или нет. У Лёли свой бизнес, и он часто бывает в командировках, а в особенно длительные Наталья ездит с ним.

Комната в современном стиле. Светлая, просторная, в ней

дверь, идущая в отдельную ванную. Я даже о подобном мечтать не могла. Осматриваюсь, проводя рукой по гладкой поверхности комода, и улыбаюсь сквозь слёзы.

Эмоции меня переполняют. Глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь в руках. Принимаю душ, надеваю пижаму и ныряю в невероятно тёплую мягкую постель. Закрыв глаза, чувствую, как напряжение постепенно отступает. А спустя буквально пять минут меня уносит в царство Морфея!

С утра меня никто не будил. Поэтому я хорошо выспалась. Завтрак я проспала. За обедом велась непринуждённая беседа, я не чувствовала ни толики неловкости, такое чувство, что я тут всю жизнь жила. Даже с мамой мне не было так легко и свободно. Улыбаюсь, слушая шутки Лёли, и чувствую, как на душе становится легче.

Выходные пролетели и начались тяжёлые будни. Доклады, рефераты, сдачи курсовых работ. Я подружилась ещё с двумя девочками — Леной и Агатой.

Агата — спокойная уравновешенная девушка с большим потенциалом. Чего не сказать про Лену, оторва, каких поискать. Невольно улыбаюсь, вспоминая её выходки. Кажется, она ничего не боится! На прошлой неделе на спор выбрила виски, Иван из нашей группы проспорил ей кругленькую сумму — ну «кругленькую» по моим меркам, конечно.

Ещё мы очень подружились с Загиром! Я даже не единожды ездила с ним в их с братом офис! Алан доверил ему

сделать расчёты в новом проекте, а я ему с этим помогала. С самим Аланом мы сталкивались всего дважды, и оба раза Загир, видя мою неловкость, уводил меня от него в другой кабинет. Каждый раз, когда я встречалась взглядом с Аланом, по спине пробегал холодок.

На самом деле я и сама не до конца понимала, почему так реагирую на него. Мне порой казалось, что боюсь я не самого Алана, а своих эмоций, что каждый раз бурей поднимались во мне. Я пыталась разобраться в этих чувствах, но они были слишком запутанными.

— Еся, ты на физкультуру сегодня идёшь? — собирая тетради подруга слегка хмурится, укладывая их в сумку.

— Иду, конечно! — Улыбаюсь, застёгивая молнию укороченного пиджака.

— Сегодня последний день с пятым курсом, потом у них защита и мы их больше не увидим. Грустно... — **Лера вздыхает, окидывая взглядом опустевшую аудиторию.**

— Ты по кому-то конкретно грустить собралась? — спрашиваю с улыбкой, выходя из аудитории, при этом подталкивая подругу локтем в бок.

— Да нет, в принципе, просто как-то... — она запинается и отводит взгляд.

Я немного посмеиваюсь над тем, как оправдывается Лерка. В душе теплеет от мысли, что подруга так осторожничаёт из-за своих чувств. На самом деле я знаю, что ей нравит-

ся Женя с пятого курса, только она это тщательно скрывает. Марка боится! Вернее, боится того, что он с Женей может сделать.

— Да поняла я. Идём! — взяв Леру под руку, мы направляемся к спортзалу.

Широкие коридоры переполненные лучами солнца постепенно пустеют. До звонка осталось буквально пара минут.

Проходя мимо мужской раздевалки, встречаем Загира с Марком. Загир выглядит мрачным, его брови сведены к переносице. Я привычно здороваюсь, но ответа не получаю. Внутри что-то ёкает — такое поведение для него нехарактерно. По крайней мере в мой адрес не было подобного ни разу.

— Лера, ты случайно не в курсе, что у Загира с настроением? — шёпотом спрашиваю я, когда мы отходим чуть дальше.

— А он не говорил вчера? — подруга оборачивается, кидая взгляд на парней.

— Да мы вчера не виделись.

— А, тогда ясно! Как я поняла, проект Алана кто-то слил конкурентам.

— Чего? — подобного услышать я не ожидала, поэтому едва не спотыкаюсь на ровном месте. — Божечки, как так то? Мы же вместе проводили расчёты и готовили его к сдаче, — внутри болезненно скребёт. Теперь и я очень расстроилась. После урока обязательно нужно переговорить с Дакаевым.

На физкультуре проводим привычные упражнения. Атмосфера более чем напряжённая. Воздух будто наэлектризован.

Сейчас я отчётливо вижу, поведение Загира полностью соответствует его прозвищу. Он невероятно жёсткий! Ни перед кем не прогибается, никому не уступает, даже с учителями не считает нужным держать хоть какие-то рамки.

Загир добросовестно относится к своей учёбе, потому как понимает, это ему нужно в первую очередь. Что касается попыток навязать дополнительные задания, Загир достаточно жёстко пресекает это всё. Никто не пытается ему перечить, это чревато последствиями! Зачастую Бесу достаточно взгляда, чтобы его собеседник не смел открывать рта или принимать какие-либо действия.

Вот и сейчас все видят настроение Дакаева и никто не смеет делать лишних движений. Даже учитель физкультуры старается держаться на расстоянии.

— Есения, я смотрю у тебя айфон новенькой модели, — Нина, моя сокурсница, как и всегда, не упускает шанса меня поддеть. Она подходит ближе, ехидно улыбаясь, её подружки стоят рядом, выжидающе глядя на меня.

Девчонке не даёт покоя то, что Загир хорошо ко мне относится. Знаю, что она с первого курса о нём вздыхает.

— И что? — продолжаю сидеть на скамейке, стараясь выглядеть безразличной, настраиваю свой телефончик.

— Ну расскажи, нам всем интересно, откуда такая рос-

кошь? Пришла оборванкой, потом стали появляться дорогие шмотки, сумка от «Gucci», айфон. — Нина произносит это громко, нарочито растягивая слова, чтобы слышали все вокруг.

На провокации не реагирую. Напротив, закатываю глаза демонстрируя своё полное безразличие.

Не объяснять же этой недалёкой, что мне в эту субботу исполнилось двадцать. Мне надарили дорогущих подарков. О том, что у меня в эти выходные был день рождения, не знал даже Загир. Наталья подарила сумку, Влад — айфон, Лёля — изящную золотую подвеску.

— Проституткой подрабатываешь? — не унималась Зарубина, её голос звучит резко и язвительно.

— Ну что ты, Нина... У тебя хлеб отбирать! Как можно? — я отвечаю с нарочитой наивностью, и по залу раздаётся дружный гогот. Лицо Зарубиной становится пунцовым, она сжимает кулаки.

— Да ладно, Милохина, ты каждые выходные уматываешь куда-то. Косметика у тебя, сразу видно, не из дешёвых, — подключается Анжелика, её тон полон язвительной насмешки.

— Её Влад Сидоренко забирал из института в пятницу. У него отец крупная шишка, — влезла ещё одна “кукурузу” из компании Нины, её голос звучит так же высокомерно.

Я только собралась снова дать отпор, но подавилась воздухом. Дьявольский взгляд Беса прожигал все внутренности.

Я невольно вздрагиваю, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Сука, закопаю! — прошипел он сквозь зубы и, пылая яростью, вышел из зала. Его кулаки сжаты, а лицо искажено гневом.

Я повернулась к Лере, не обращая внимания на веселье девушек, что стали свидетелями злости Дакаева в мой адрес. Моё сердце бешено колотится, а в горле встаёт ком. Я, ничего не понимая, спросила у подруги:

— В чём дело? — взгляд Леры мне тоже не нравится в этот момент — в нём читается осуждение.

— Не ожидала от тебя, — подруга качнула головой и, избегая моего взгляда, также покинула зал.

— Да что происходит? — мой голос звучит растерянно, я оглядываюсь по сторонам, чувствуя себя совершенно потерянной.

— Лишилась ты своих покровителей, шлюшка! — не скрывая веселья, пропела Анжелика. Её слова ударяют, словно пощёчина.

Я застываю на месте, пытаюсь осознать происходящее. В груди нарастает боль, а к глазам подступают слёзы. Что я сделала не так, не понимаю.

7 глава

Загир

— Сука, сука, сука... — сжимаю кулаки до побелевших костяшек. Вены на руках вздуваются от напряжения. Это полный пи*дец. Я ей верил, верил ей!

С братом впервые поцапался, не позволил ему её взять в оборот, а он п*здец как хотел, да ещё и такой повод. Внутри всё горит от ярости.

Я убеждал его, что не могла она слить наш проект, просто уверен был и всё! Вспоминаю, как защищал её перед Аланом, как спорил, почти кричал, пытаюсь донести свою уверенность. Слушать не хотел о том, что все люди, работающие над проектом, не первый год с Аланом, и он в каждом уверен!

И вот выясняется! Бляяя, как я раньше не увидел-то... Сердце болезненно сжимается.

Дорогие шмотки, на выходных где-то пропадает, крёстным прикрывается. А оказывается, она с Сидором трахается.

— Загир, возьми себя в руки, — Марк стоит рядом, смотрит настороженно.

— Марк, иди на*уй! — со всего маха впечатываю кулак в стену, но боли не чувствую.

— Что думаешь делать?

Глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь в руках. Достаяю

сигарету, прикуриваю прямо в раздевалке. Дым заполняет лёгкие, но не приносит облегчения.

— Не знаю. Парням отдам, пусть поиграют.

— Ого! И не жалко?

— Уже нет! — резко отвечаю, тушу сигарету о стену. Тошнит.

— Может, брата лучше порадуешь?

Ухмыляюсь, а и в правду — он ещё жёстче с ней расправится. И плевать, что она первая, к кому я душой прикипел. Боль и злость смешиваются в душе, вытесняя всё остальное. Достаяю телефон и набираю номер брата.

— Да, Загир.

— Забирай её! — брат сразу понял, о ком я.

— Уверен?

— Да!

Алан молчит, и я решаю пояснить.

— Она с Сидором-младшим трахается.

— Как давно? — по голосу брата понимаю, он чертовски зол.

— Точно не знаю. Давно, по ходу!

— То есть ты ведёшь дружбу с провинциальной шмарой, доверяешь ей документацию фирмы и ни разу не удосужился проверить её круг общения?

— Она говорила — крёстный у неё... Я дурак, брат, я просто ей верил. Впервые на моей памяти даже голос ровным держать сложно.

— Хорошо, ты молод и горяч. Просто приглянулась смазливая девочка, одни оленьи глаза чего стоят! — Похоже, и брат разочарован не меньше моего, голос немного посажен. — Я разберусь с ней по-своему, и ты не будешь вмешиваться. Договорились?

— Да.

— Сам не трогай её!

— Хорошо!

Закрываю глаза, представляя, что ждёт Есению. Знаю о предпочтениях брата, хрупких ангелочков давно нет рядом с ним. Не вывозят.

Есения

Вернувшись в общежитие, почувствовала себя звездой. Но не в хорошем смысле, разумеется. Косые взгляды и перешёптывание за спиной. В общежитии просто гул стоял. Втягиваю голову в плечи, хочу стать невидимкой.

Я приняла душ, предусмотрительно прихватив полотенце в душевую кабину. Почему-то была уверена, что мне подлянку какую-нибудь устроят — в виде воровства одежды или вымажут чем-нибудь. Тем более прецеденты были. Не со мной, конечно, но всё же.

Руки слегка дрожат, пока я стираю капли воды с зеркала. Смотрю в своё отражение, в голове перебираю варианты того, что могу предпринять, но в голове не единой мысли. Вообще пустота.

В комнате я снова набираю номер Леры — «абонент вне зоны доступа». Подруга светится в сети «Инстаграм», а значит, я просто в чёрном списке. Внутри что-то обрывается. Быстро набираю ей: «Друзья познаются в беде», не имея понятия, дойдёт ли сообщение до адресата. Удаляю её аккаунт во всех мессенджерах у себя и стираю номер телефона в контактах.

Не то чтобы я не дорожила нашей дружбой. Вовсе нет. Скорее даже наоборот. Лера стала мне очень близка, и случись с ней подобное, я бы как минимум настояла на разговоре и постаралась выяснить всё. Лера же предпочла сделать свои выводы и перестать общаться. Что ж. Не держу. Сжимаю губы, изо всех сил стараясь не расплакаться.

В конце пар ко мне не побоялась подойти лишь Агата. Она выглядела растерянной, избегает смотреть мне в глаза.

— Я слышала разговор Загира с Марком, когда проходила мимо раздевалки парней, — тихо сказала она. — Они думают, будто это ты слила контракт конкурентам.”

Я даже ответить ничего не смогла, настолько была шокирована услышанным.

— Держись, Еся, тебе теперь не поздоровится, и прости, но я не буду рядом.”

Я даже заставила себя улыбнуться, после чего пошла в гардероб. Я не в обиде на Агату, скорее наоборот — она не прошла мимо, поддержала, как могла.

Вхожу в сеть чтобы погуглить, кто же выиграл тендер на

строительство развлекательного комплекса. Пальцы дрожат, пока я ввожу запрос.

Мой новенький телефон чуть не выпадает из моих рук. — Теперь я понимаю реакцию Дакаева!

Я не говорила Загиру, кто мой крёстный, да он, в общем-то, и не спрашивал. Получается, Анатолий Геннадьевич тоже принимал участие в тендере. Но как получилось, что у него оказался проект Дакаевых? В том, что он не мог присвоить себе чужую работу, я уверена совершенно точно.

— Нужно поговорить с Загиром, — говорю себе едва слышно.

Снова беру телефон, провожу пальцем по экрану, ищу его номер. Я уже готова нажать на зелёный значок, но меня останавливает воцарившаяся тишина в нашем муравейнике.

В этой гробовой тишине раздаются тяжёлые шаги. Сердце набатом грохочет в моей голове, кровь стучит в висках. Дверь в комнату резко раскрывается. Я замираю, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Входят два здоровенных амбала под два метра роста каждый. Я сижу на кровати, полностью парализованная, широко раскрытыми глазами наблюдаю, как лысое чудовище с гнилыми зубами, скалясь, приближается ко мне.

Одним резким рывком, прямо за волосы меня сдёргивают с кровати. От резкой боли громко вскрикиваю, слёзы наворачиваются на глаза. Меня волоком тащат из комнаты, далее по коридору, вниз по лестнице, до самого выхода. Я сопро-

тивляюсь, но не кричу. Почему-то сейчас изо всех сил пытаюсь терпеть боль, думаю о том, что если кто и выйдет из комнаты, то только посмеяться, а не для того, чтобы помочь.

— Пусти, пусти, мне больно! — шиплю уже, когда меня тащат по коридору первого этажа к выходу. Адреналин в крови отключает инстинкт самосохранения, и я, извернувшись ногой, луплю здоровяка где-то в район челюсти. Амбал грязно выругался и ещё сильнее дёрнул меня за волосы, отчего перед глазами вспыхивают искры.

Металлическая входная дверь распахивается, поток ледяного воздуха опаляет кожу. На мне сейчас лишь хлопковая пижама со львятами. Зубы начинают стучать от холода. Обиженный лысый лось, которого я огрела ногой, всё так же держа меня за волосы, просто вышвыривает меня на улицу, не забыв при этом поставить подножку.

Я кубарем покатила вниз с крыльца и очень сильно ударила затылком об обледеневшую ступеньку. Мир вокруг тут же начинает меркнуть, боль пронзает голову, и я теряю сознание.

В сознание врываются грубые мужские голоса. Сначала кажется, что говорят на иностранном языке. Из-за дикой боли в затылке не сразу понимаю — это отборный мат, которым один мужчина ругает другого.

— Какого х*я, Горыныч? Босс тебе башку оторвёт.

— Да кончай уже, говорю же, сама она упала.

— Видел, б*ять, как она сама упала. Я покрывать тебя не стану, если спросит, скажу, как было, мне своя шкура дороже.

— Ээ, ты чё, ваще что ли? Ладно, я сам всё скажу, ты просто промолчи, лады?

— Ладно, — после небольшой паузы соглашается второй.

— О, глянь! Очухалась.

Я пытаюсь попросить, чтобы отпустили, но звук, кажется, не воспроизводится — просто открываю и закрываю рот, чувствуя сухость во рту. Кто их босс? Загир? Не думаю. И куда меня везут?

Ровная дорога сменяется на бездорожье. Тело словно налито свинцом, каждое движение отзывается тупой болью. Глаза открыть не получается, боль в затылке немного притупилась, но всё равно не отпускает скованность. Она же мешает пошевелиться. Дыхание прерывистое, во рту сухо, как в пустыне.

Не могу сказать точно, сколько по времени мы ехали, но, когда меня за предплечье выволокли из огромного внедорожника, на улице, по ощущениям, стояла глубокая ночь. Холодный воздух обдаёт кожу, заставляя вздрогнуть.

Перед глазами всё плывёт, я вижу лишь очертания большого дома в два этажа. Сердце бешено колотится, в висках пульсирует. Меня толкают в спину, заставляя идти вперёд. Я едва не падаю на дорожку, что ведёт к дому, — меня удерживает за локоть громила, тот, что чуточку симпатичней того

урода с гнилыми зубами. Его хватка железная, пальцы впи-
ваются в кожу.

В просторной комнате, куда меня привели, много света. Он режет глаза, вызывая новую волну боли. Я часто моргаю, в надежде сбросить пелену с глаз, но получается плохо. Ладони потеют, дыхание сбивается.

Меня с силой швырнули на пол, и отошли в сторону. Я слышала, как женщина сказала: «Сейчас хозяин выйдет».

Внутри всё сжимается от тревоги. Хозяин! Слово-то какое.

Слышу звук приближающихся шагов. Каждый шаг отдаётся в голове, словно удары молота. Я не без труда поднимаю голову и сразу же узнаю стоящего передо мной мужчину.

Алан не просто стоит — он словно возвышается надо мной. Властный, уверенный в себе мужчина, словно хищник, прожигает глазами. От его взгляда по спине пробегает холодок.

— Что это значит? — хочу спросить громко, но не могу. Боль в голове усиливается, поэтому получается едва ли не писк. Голос дрожит, губы едва шевелятся.

— Ты ещё смеешь спрашивать? — голос мужчины ровный, совершенно спокойный.

Мне хочется закричать, выплеснуть всю боль и обиду, но горло сдавило спазмом.

— Я так понимаю, вы считаете, я ваш проект Анатолию Геннадьевичу слила?

— Нет, мы не считаем, — всё так же спокойно. — Мы точно знаем.

Я продолжаю сидеть на коленях, на голом паркете. Мужчина делает два шага назад, опускается на белоснежный диван с золотыми вставками. Вся мебель в комнате в восточном стиле, вплоть до мелочей: торшеры, бра. Я невольно отмечаю роскошь обстановки, но это лишь на долю секунды — страх и отчаяние заглушают всё остальное.

— Это не так, я бы никогда...

— Достаточно! — Алан повышает голос и поднимает правую руку вверх, словно повелевает замолчать. Я вздрагиваю, инстинктивно втягиваю голову в плечи.

Некоторое время я смотрю на него, как замороженная. В груди что-то сжимается в это мгновение. Я не просто готова подчиняться — а как бы «в ноги царю упасть»! Хотя... я и так в его ногах, считай.

Противоречивые чувства смешиваются: с одной стороны — ужас, с другой — странное восхищение его силой и уверенностью. На некоторое время я засмотрелась на этого мужчину. Какой же он всё-таки красивый. Такие ровные черты лица, а его густая чёрная борода стала ещё длиннее. Из-за неё я по-прежнему не могу хотя бы приблизительно сказать, сколько ему лет.

— Не хотите говорить со мной, не надо! Позовите Загира, я поговорю с ним, он всё поймёт, это недоразумение, вот и всё...

По комнате прокатывается раскатистый, негромкий смех мужчины. Смех холодный, безжалостный, он ранит сильнее слов.

Алан резко встаёт с дивана и, в мгновение сократив расстояние, обхватывает своей огромной лапой мою шею. Одним резким рывком он ставит меня на ноги. Приутихшая головная боль возвращается с новой силой. Мир вокруг плывёт, в ушах шумит. Я зашипела и изо всех сил зажмурила глаза.

— Загир никогда больше не заговорит с тобой! Ты предала его. Я не видел его таким разбитым со дня смерти родителей. Не понимаю, каким образом ты пробралась к нему в душу? — всё это мужчина буквально выплёвывает мне в лицо. — Я превращу твою жизнь в ад. Ты пожалеешь не только о том, что сделала, но и о том, что родилась.

Внутри всё обрывается. Загиру сейчас действительно очень плохо, я это каким-то шестым чувством ощущаю.

Как это объяснить?

Вот бывает, встречаются друг друга парень с девушкой и понимают — вот она, моя судьба. И живут потом душа в душу всю свою жизнь. А мы... нет, мы точно не пара, у нас нет страсти друг к другу. По крайней мере, у меня ни разу не возникало химического притяжения к Загиру.

Мы скорее как две родственные души, как бы бредово это ни звучало. Я заранее знала, в каком настроении придёт Загир, хорошо понимала, когда его лучше оставить одного, ко-

гда, наоборот, ему нужно с кем-то поговорить. Воспоминания о тёплых моментах с Загиром больно ранят сейчас, словно соль на открытую рану. Он, в свою очередь, чувствует меня, я это точно знаю.

На Новый год я, само собой, ездила домой, к маме и отчиму. Буквально с порога между нами произошёл грандиозный скандал.

Я полностью расслабилась и совсем позабыла о нравоучениях мамы, явилась домой в одежде, что покупала для меня Наталья. Всё это с остервенением было буквально содрано с меня. Мама снова осыпала меня грязными словами, кричала, что я потаскуха, в Москве от рук совсем отбилась. Её не смущало даже то, что раздела она меня на глазах у Станислава, а тот ещё и масло в огонь подливал. Мол, в Москву я потому и уехала, чтобы хвостом крутить, никто не мешал.

Мне было так паршиво... Казалось, будто весь мир ополчился против меня.

Загир позвонил примерно через десять минут моих душевных терзаний: «Ты там грустишь», — не спрашивал, а утверждал он. Я впервые при ком-то позволила себе в голос разреветься. Обычно я всё Бесу рассказываю, а тут устыдилась, просто сказала, мол, недопонимание с мамой произошло. Слава богу, он не настаивал на подробностях, просто отвлёк меня разговорами ни о чём. В тот момент его голос был как спасательный круг.

Хуже всего, что мама с утра потащила меня к гинеколо-

гу. Убедившись в том, что я по-прежнему девственница, она немного успокоилась.

От воспоминаний, возникших так некстати, меня отвлекает Алан. Он начал стягивать с меня пижамную кофту. Моё сопротивление лишь сыграло ему на руку — он быстрее смог меня избавить от одежды. Под кофтой, само собой, не было бюстгалтера, я ведь уже намеревалась лечь спать.

— Вот так будет лучше!

Холод пробирает до костей. Обхватив себя руками, я смотрю шокированным взглядом на мужчину и задыхаюсь от возмущения.

Алана же моё состояние только забавляет. Он хватается меня за запястья и разводит руки в стороны, открывая грудь. По телу пробегает дрожь, слёзы наворачиваются на глаза, но я при нём ни за что не буду плакать. Он не увидит моей слабости.

Его глаза потемнели, мужчина заговорил на родном языке. От хрипловатого голоса Алана у меня побежали мурашки. Язык я понимаю плохо, но интонация не оставляет сомнений — это что-то пошлое.

Я просила Загира хотя бы немного научить меня их языку. Сначала он сопротивлялся, но потом всё же сдался и время от времени рассказывал мне об их культуре и учил языку.

Сейчас Алан сказал, что я красивая девушка и у меня красивая... Не разобрала сказанного последнего слова, но думаю, судя по взгляду, он говорит про грудь.

Его ладонь ложится на одно полушарие и стискивает его. Я содрогаюсь от ужаса. Нет, он не посмеет.

Я хватаю мужчину за руки, пытаюсь отстранить его от себя. Но что ему мои сопротивления? Он выше почти на голову и шире меня раза в три. Алан заводит руку мне за спину и притягивает к себе, тесно прижимает и начинает поглаживать моё тело. Отчаянно вырываюсь. Даже пытаюсь укусь

Дыша ему в грудь я всё пытаюсь освободиться, но тщетно.

— Пусти меня, ты не имеешь права.

— Имею! — С этими словами Алан опрокидывает меня на диван, и я лечу на него вниз головой. Голова вновь взрывается болью, перед глазами темнеет.

Алан цепляет меня за пижамные шорты и стягивает их вместе с трусиками. — Вот так будет ещё лучше.

— Да что ты творишь? — хочу обозвать его, но сдерживаюсь. Я сейчас далеко не в выигрышном положении. — Не нужно, Алан, вы совершаете ошибку, рано или поздно правда всё равно выйдет наружу, но ничего уже не исправишь.

Внутри всё дрожит от ужаса, пальцы судорожно вцепляются в подушку. Я прикрываюсь этой самой подушкой и с ужасом наблюдаю, как мужчина расстёгивает ремень на брюках. Он тянет вниз молнию и, схватив меня за предплечье, стаскивает с дивана, ставя перед собой на колени. Через пару мгновений перед моим лицом раскачивается огромный член. На крупной головке которого поблёскивают капельки смазки.

Горло сжимает спазм, дышать становится тяжело. У меня кружится голова, и в глазах снова туман — всё плывёт, и это очень мне мешает. Я упираюсь рукой в его бедро и, собравшись с силами, чтобы не расплакаться, шиплю сквозь зубы: — Я не буду этого делать!

Алан ухмыляется.

— Будешь, Есения. Ещё как будешь! — рукой он берёт меня за подбородок и большим пальцем давит на него, пытаясь раскрыть мой рот. Я резко мотаю головой и у меня получается вырваться.

— Если ты посмеешь засунуть это в мой рот, детей тебе будет делать нечем! — и сама от себя не ожидая, для убедительности, наверное, клацнула зубами. В этот момент я готова на всё, лишь бы остановить происходящее.

Алан на моё действие, запрокинув голову, громко рассмеялся.

— Я ведь просто могу выбить тебе зубки. Не жалко такую красоту?

— Можешь, — соглашаюсь я. — Но дёснами можно тоже нанести непоправимый вред. Голос дрожит, но я стараюсь говорить твёрдо.

— Ну что ж, пусть будет по-твоему, — явно веселится мужчина. — Давай тогда по-другому попробуем.

Алан одним уверенным движением снимает с себя футболку и обнажает идеально прокаченное тело. Следом идут брюки и боксеры. Мужчина, совершенно не стесняясь сво-

ей наготы, смиряет меня насмешливым взглядом, когда я, пройдясь глазами по его телу, смотрю в его лицо. Меня передёргивает от ужаса, по коже бегут мурашки.

— У тебя два варианта, Есения. Либо я сейчас зову обратно Гвоздя с Гарынычем, и они придерживают тебя, пока я буду тебя на болт наматывать. А потом я, само собой, отдаю тебя им. Ведь после такого зрелища мне их не удержать. Либо ты сама сейчас встаёшь на четвереньки, и я всё равно наматываю тебя, но с разницей, что пока один и без свидетелей.

В груди всё сжимается от отчаяния. Какой же он урод! Они оба. Ненавижу их. Загир предал меня. Предал тем, что даже не пытался разобраться, хотя бы поговорить. Алан — мститель народный, за брата он мстит, как же! Может, ему и не плевать на Загира, нет, точно не плевать. Но я уверена, что сейчас это просто повод принудить меня к сексу.

Над своим первым разом, конечно, я уже думала. Но таким его я точно не представляла. Всё это мерзко и униЗИтельно, но присутствие третьих лиц кажется мне и вовсе смерти подобным. Слезы предательски катятся по щекам, но я быстро смахиваю их. Я не знаю, как после этого-то жить буду. Но, по крайней мере, буду, а вот с наличием посторонних — уже сомневаюсь.

— А третьего варианта нет? — даже не знаю, откуда во мне столько смелости? Адреналин, наверное... Сердце колотится так, будто готово выпрыгнуть из груди.

— Хочешь поторговаться? Я теряю терпение, Есения, — Алан подходит и берёт меня за предплечье, помогает встать с дивана. Я не сопротивляюсь — сил нет, но внутри всё кричит от протеста. Не смирилась, конечно, но перспектива быть изнасилованной меня тоже не прельщает.

Меня ощутимо ведёт в сторону, и, если бы не Алан, я непременно упала бы. Он, обхватив меня за талию, крепко прижимает к себе. Запах его одеколona забивается в ноздри, становится нечем дышать.

— Алан, — еле слышно произношу я. — Моя голова, она совсем онемела и... в глазах темно... — и я не вру. Мне действительно очень плохо. Каждое слово даётся с трудом, язык будто распух.

Сначала мужчина усмехается. Просто-напросто не верит мне, и я решаю пояснить ему всё, ведь в таком состоянии я навряд ли выдержу ещё хотя бы несколько минут.

Алан же по-собственнически стал поглаживать мои бёдра, спину и сминать ягодицы. Дыхание мужчины стало тяжелее, он наклонился и поцеловал меня в шею, прикусил плечо и зацеловал укус. Замираю, стараясь не дышать, тело сковывает ужас.

— Тот лысый придурок столкнул меня с крыльца, — Алан замер, а я с огромным трудом продолжила говорить, язык не хотел меня слушаться. — Я головой ударилась об ступеньку, и у меня онемел весь затылок, и в глазах пелена. Голос срыгается на шёпот.

Кажется, Алан что-то стал говорить, но я его уже не слышала — провалилась в темноту. Последнее, что чувствую, — его руки на моём теле, а потом всё поглощает тьма.

8 глава

Алан.

Какого чёрта происходит?

Я так сильно хотел себе эту глазастую девчонку. С того самого дня, как Загир привёл её в наш ресторан. Такая пленительная, манящая, с налитой грудью и упругой попкой. Я три месяца уговаривал брата отдать её мне. Загир запрещал даже думать об этом, говорил, что Есения его друг, он с ней душой отдыхает. Я не сразу ему поверил, думал, влюбился мой братишка, просто признаваться не хочет. Но потом видел его по-прежнему меняющего девчонок, и понимал, что нет, всё-таки к Есении у него что-то другое.

Окончательно в этом убедился, когда он за ужином неожиданно произнёс: «Есе плохо» и ушёл говорить с ней по телефону. Каково же было моё удивление, когда я услышал её рёв, доносящийся из динамика телефона Загира. Я поражался, наблюдая, какой мой брат приезжает спокойный после их совместных работ над документами. Его обычное состояние — злость и раздражение даже по мелочам.

Доволен Загир бывал редко. С появлением этой девушки всё изменилось.

Загир изменился! Теперь не я его, а он меня тормозит и просит успокоиться.

Когда выяснилось, что наш проект слили, я сразу подумал

на Есению. Только её мы практически не знали. Все остальные работали со мной не один год и в каждом я был уверен. Загир принял в штыки мои обвинения в адрес девчонки, мы впервые так сильно поссорились.

А когда он мне позвонил сегодня днём и сам лично сказал, что это она, первое, что я испытал — невероятная злость.

Как ни крути, мне самому было неприятно думать о том, что это сделала Есения.

Но как только я понял, что теперь у меня развязаны руки и я могу творить с ней всё, что мне вздумается, вот тут даже стало по хрен на потерю нескольких лямов зелени. Не этот, так другой проект. Проигрываю я крайне редко, но случается. Всё же у меня серьёзные конкуренты в строительном бизнесе.

Я даже не стал слушать доклад Расула, своего безопасника, который принес мне свежие данные по сотрудникам, имевших какой-либо доступ к проекту комплекса.

Сейчас мы подъезжаем к частной клинике моего хорошего знакомого, который не раз меня выручал. На часах уже четыре утра, но, несмотря на это, нас у главного входа встречает главврач клиники, и, помимо него и двух санитаров, ещё три врача.

Я позвонил Данилу сразу, как только Есения потеряла сознания, и то, что она за час двадцать не приходила в себя ни разу, меня дико волнует. Кажется, я не испытывал такого чувства со времён юности. Да, точно, в пятнадцать, когда

родители попали в авиакатастрофу.

Они возвращались в Москву, мы с братом остались на Кавказе, хотя тоже должны были лететь, это прабабушка слёзно просила меня с Загиром остаться, ей было девяносто семь лет. Отец велел нам задержаться до конца недели, несмотря на то, что нужно было на учёбу. Это было в первый и единственный раз на моей памяти, когда отец кому-то в чём-то уступил.

Есению увезли на обследование, а я остался в коридоре. Сижу на металлической скамье, держу в руках телефон, и не знаю, стоит ли звонить Загиру?

А если это всё же не она? Она ведь не пряталась, как я понял, и в открытую общалась с Сидором. Как только представлю, что она с ним трахалась, злость накрывает с головой, хочется всё крушить вокруг себя, и я еле сдерживаюсь.

Такие планы были на нашу с ней совместную ночь. Мне не все подходят, каждую потенциальную партнёршу тщательно проверяет мой отдел безопасности. Случайных в моей постели нет. Эту же девочку я хочу так безумно, что в яйцах звенит, и плевать на всё.

Решаю всё же набрать Загира. Брат не отвечает и меня это немного напрягает.

Загир перезванивает мне сам, минут через сорок, за это время мне уже сообщили о состоянии Есенин, и я ехал домой.

— Ты почему не отвечаешь на звонки?

— Телефон был на беззвучном! Я думал, ты очень занят моим подарком и тебе не до меня, — по голосу слышу, что Загир пьян, не то чтобы сильно, но тем не менее.

— Я занят твоим подарком, но совсем не так, как хотелось бы.

В трубке тишина.

— Что с Есенией?

Всё-таки переживает.

— Хотя нет, не говори, плевать! — понимаю, что Загир хочет положить трубку.

— Подожди... Ты точно уверен, что проект — её рук дело?

— Она таскалась с Сидором! — голос брата дребезжит от злости.

— Она скрывала от тебя это?

— Алан, к чему ты спрашиваешь?

— Просто ответь.

— Я не знаю! Нет, наверное. Мы как-то не касались личной жизни друг друга.

— То есть, узнав о том, что она с Сидором, ты даже не поговорил с ней?

— Нет! Я разозлился и позвонил тебе. Ты думаешь, она может быть непричастна?

Загир заволновался, голос стал твёрже, ощущение, будто он протрезвел.

— Не знаю пока, — устало выдыхаю, — держалась она

слишком уверенно.

— И что?

— Есения наверняка просвещена про наш с тобой темперамент. Ну хорошо, если про мой характер она ничего не знает, то про твой точно наслышана! Девочка неглупая, не могла не отдавать себе отчёт в том, что делает. Наверняка понимала, что мы подумаем на неё и должна была понимать, что мы с ней можем сделать, — после небольшой паузы добавляю, — Есения меня не боялась, что, кстати, удивительно, учитывая нашу встречу в ресторане, когда она просто сбежала от меня... от нас! — останавливаюсь на светофоре, тру лицо руками. — Нет, ну если она хорошая актриса? Короче, не знаю! Есения просила позвать тебя, говорила, что поговорит с тобой и ты поймешь, что ошибся.

Загир какое-то время молчит, я даю ему время всё обдумать, да и себе тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.